

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Курганский государственный университет»

Г.М. Самойлова

**КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИИ: РУССКАЯ
ДЕРЕВНЯ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА**

Монография

Курган 2018

УДК 392; 398.5
ББК 63.52; 82.3(2Рос)
С 17

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета Игорь Анатольевич Голованов;

доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва Ольга Юрьевна Осьмухина.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Самойлова Г. М.

Культура провинции: русская деревня середины XX века : монография. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2018. – 154 с.

Монография посвящена быту, нравам и фольклору одного села, в истории жизни которого по-своему отразилась история страны. Автором запечатлены подробности старого времени, стремительно уходящего в небытие, но являющегося одной из ипостасей бытия русской ментальности.

ISBN 978-5-4217-0434-8

УДК 392; 398.5
ББК 63.52; 82.3(2Рос)

© Курганский
государственный
университет, 2018
© Самойлова Г.М., 2018

Эта книга – своеобразный памятник русской деревне середины XX века, которой уже нет, но в описании жизни которой каждый может увидеть что-то своё, родное. В ней реализован замысел создания истории конкретной жизни людей, опирающейся на детали быта, особенности нравов и фольклора всего одной деревни. Нами выбраны Кулибины Кировской области. Оставшиеся жители деревни, с которыми удалось пообщаться автору, щедро делились своими наблюдениями и воспоминаниями, которые вошли в эту книгу. Огромная благодарность **Зое Васильевне Корзуниной (Кулибиной)** за её трепетную любовь к суровой малой родине и за внимание к мельчайшим деталям быта деревенских людей. Искренние пожелания всех благ **Валентину Ивановичу Палишеву**, родившемуся в 1940 году и младенцем испытавшему все невероятные тяготы военных лет. Он не сдался, выстоял, сохранив в памяти черты старого быта. Благодарю также **Наталию Дмитриевну Бармину, Михаила Ивановича Палишева, Марию Ивановну Глызину, Сергея Ивановича Суслова, Любовь Ивановну Чуракову.**

*...Где отыскать судьбу
плачевней и как её переиграть,
Коль призрак призрака
деревни опять не хочет умирать?
И духи прячутся в запечье,
решив бороться до конца,
Храня жилище человечье,
где нет ни одного жильца...*

Е. Витковский

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ ДЕРЕВНИ КУЛИБИНЦЫ

Деревня Кулибинская вела своё существование с XVII века, называемого «бунташным» и смутным. Именно тогда активно шло расселение русского населения, и выходцы из центральной России облюбовали для житья просторные вятские земли. Деревня Кулибинская была основана примерно в 1613 году Анисимом Кулибиным, фамилия которого дала название деревне. По переписи Афанасия Толмачёва от 1629 года, в ней было несколько домов: двор Афоньки Варсегова, Тришки Варсегова и Мишки Югова.

В более поздних документах XVIII века упоминается деревня Кулибинская, в которой было уже 14 дворов. В них проживало 58 мужчин и 75 женщин. Достаточно населённое место. Женщин было больше, но примерно чет-

веро мужчин приходилось на каждое хозяйство. Пахота земли и требующие серьёзного физического напряжения работы ложились на их плечи, хотя женщины-богатырши были всегда рядом не только в русских былинах, но и в реальной сельской жизни. Они, эти дальние родственницы основателей деревни, оказавшиеся в военные годы без работоспособных мужчин, будут пахать, сеять и собирать урожай, отгружая для фронта и победы тяжёлые мешки с сельхозпродукцией.

Деревня Кулибинцы относилась к Каринскому приходу, который объединял при церкви десятки окрестных деревень. Всего же в Каринском приходе числилось в XVIII веке 489 дворов, в которых проживало более четырёх тысяч человек. Из них 2138 – мужчин и 2489 – женщин. В бумагах архива Кировской области от 1792 года¹ можно найти Вятскую округу, в которую входили такие сёла, как Вожгалы, Филиппово, Рябово, Ивкино, Раменское, Березинское и др.

Среди них село Каринское, которое потом называли просто Каринкой, где возле старой церкви принарядившиеся жители различных деревень собирались по большим праздникам. Они посещали могилы предков, покупали всякую всячину, водили хороводы. Центром деревенской жизни во все времена была церковь, где крестилось, венчалось и отпевалось всё окрестное население. В пропахших ладаном бумагах священнослужителей фиксировались важнейшие события человеческой жизни. Администрация получала сухие сводки в цифрах о жизни населения, а церковь была более внимательна и открыта для конкретики, фиксировала те особенности деревенского быта, которые сейчас стёрлись в памяти жителей.

Сохранилось подробное описание Вознесенской церкви в Каринке. В 1674 году Рылову со товарищами было раз-

---

¹ Ф. 237. Оп.94. Ед. 80. С. 148.

решено ронить лес и в том лесу воздвигнуть тёплую церковь во имя Архангела Божьего Михаила. В XVIII веке церковь была уже основательной, каменной. Она много раз переделывалась и достраивалась на средства прихожан. Свою посильную лепту вносили и богатые, и бедные.

Каринская церковь была самой красивой в округе, а колокола её было слышно за семь километров. На колокольне дежурил сторож, который «отбивал» время и созывал народ на службу. Церковь отапливалась большими печами, в которые входили метровые дрова. В 1939 году её закрыли, как многие думали, навсегда. Часть икон увезли, часть взяли местные жители, а остальное просто сожгли. Говорили, что когда стали сбрасывать колокола, то Ивана Рукавишника придавило. Узрев в происшедшем божью кару, оставили церковь в покое, что её и спасло от сноса. Тогда многие церкви в окрестности были стёрты с лица земли. В годы войны потерявшие своих близких люди тщетно просили открыть храм. Лишь в 1989 году отлитый в Воронеже колокол огласил округу своим малиновым звоном.

Перебирая пожелтевшие архивные бумаги, с благодарностью вспоминаем церковных служителей, которые запечатлели конкретику тех давних времён. От их взора не ускользнуло то, что, к примеру, в XVIII веке в деревне Дымовской было 22 двора, где жили 80 мужчин и 94 женщины, в деревне Злыдневской было 15 дворов, мужчин – 52, женщин – 74, в деревне Плачёновской было всего 10 дворов с 40 мужчинами и 50 женщинами, а в деревне Репняковской, которая была рядом с Кулибинцами, всего 2 двора, но в них жили 9 мужчин и 13 женщин. Крестьяне всех этих селений вместе посещали церковь в Каринке, собирались вблизи её по большим праздникам, веселились и встречали свою «половинку» из какой-нибудь соседней деревни.

Сведения Вятского губернского статистического коми-

тета о состоянии сёл Вятской губернии за 1873 год² гласили, что село Каринское Селезеневской волости Вятского уезда стоит на речке Каменке. Любопытно, что крестьян в то время в селе почему-то не было, а жили одни духовные лица, коих мужского пола – 18, а женского – 25. Жили они в двух каменных домах и семи деревянных. В селе было приходское земское училище смешанного типа, где учились 55-65 мальчиков и 6-12 девочек. Чаще всего осваивали за год или два грамоту и счёт, а потом надо было заниматься своим хозяйством. Рабочих рук в сёлах обычно не хватало.

Жители Каринки торговали сельскими продуктами, которые привозили из окрестных мест. Тут же существовали питейные заведения (кабаки и трактиры). Это было не просто село, а своеобразный духовно-торгово-развлекательный центр того времени, притягивающий к себе очень многих крестьян. Среди них выделялись деревенские интеллигенты, увлечённые чтением духовных и всяких иных книг. Каринка подпитывала их и поддерживала в особой, необычной жизни, хотя односельчане подобный образ жизни не всегда одобряли. Таким образом, каждый находил свою жизненную «нишу» и жил в соответствии с собственным предназначением.

В самой деревне Кулибинской уже в XIX и самом начале XX века можно было обнаружить самые различные семейные кусты. Кулибиным принадлежало пять хозяйств. Из соседней Суслихи в деревню когда-то пришли Сусловы и быстро составили основной костяк деревни. Это были Семёновичи, Афанасьевичи, Васильевичи, Алексеевичи, Егоровичи, Фёдоровичи, Ивановичи, Никитовичи, Архиповичи и т.д. Родственники активно помогали друг другу. Труднее жилось тем, кто был иной фамилии. Им приходилось надеяться только на себя.

Волею судеб в Кулибинцах оказались Дресвянниковы, происходившие из деревни Злыдни, Завалины – из Каба-

---

² Фонд ГАКО 574. Оп.1. Ед. 48.

нова, Бармин пришёл из Вандышей, Палишев – из Плачён. Последняя фамилия довольно редкая. Кое-кто связывает её с выходцами из центральной части России, из Палеха, а другим кажется, что она идёт от пала, пожара. Население, как видите, довольно пёстрое, сборное. Но это были в основном русские люди, среди которых почти отсутствовали представители других наций и народностей. Чужих, ссыльных деревни обычно не принимали. Оно и понятно: жили как бы одной семьёй, и слишком велика была опасность пострадать от лихого пришлого человека.

Рядом с Кулибинцами в деревне Репняки, расположенной буквально в 300 метрах, что было необычно (среднее расстояние между деревнями в то время составляло примерно два километра), появился в первой половине XIX века поселенец по имени Иван Корзунин. Название деревни явно происходило от «репья», от лопухов, произрастающих там в огромном количестве. Существует легенда о том, что не захотели когда-то жители Кулибинцев пустить подозрительного поднадзорного человека в родную деревню: «Пойди туда, живи в лопухах!».

Но к XX веку все местное население переженилось и перемешалось, хотя странно было видеть, что деревня Репняки так и не слилась с Кулибинцами, а продолжала существовать поодаль. Население Репняков было более однородное, семейственное. Большинство жителей носило фамилию Корзунины.

Перед войной в 1940 году в Кулибинцах было 34 двора, а в соседних Репняках – 9 дворов. В каждой семье было от трёх до пяти детей, хотя на свет производилось в два раза больше. Так что в деревне обитало более двух сотен человек. Список обитателей передо мной. Распространённые тогда мужские имена: Иван, Алексей, Дмитрий, Яков, Николай, Василий, Семён, Павел, Егор, Виктор, Сергей. Женские имена: Мария, Наталия, Екатерина, Анна, Зоя,

Устинья, Любовь, Надежда, Нина, Валентина, Матрёна, Раиса, Антонина.

Многие дети умирали в младенчестве. Выживали только наиболее устойчивые к простудным и особенно к желудочно-кишечным заболеваниям, которые косили в то время население. На вопрос о причине смерти детей чаще всего слышишь: умер от коклюша. Хотя, страдая от недоедания и отсутствия медицинской помощи, люди часто погибали от воспаления лёгких и туберкулёза. Естественный отбор был достаточно суровым, а медицину заменяли свои же знахарки. Лечили в основном женщины, хорошо разбиравшиеся в травах.

На фронт в 1941 году забрали из деревни Кулибинцы более 30 мужчин, из которых 19 человек не вернулось. Это больше половины. Примерно таким же было соотношение ушедших на фронт и погибших в многочисленных тогда деревнях большого Советского Союза. Двое из 12 вернувшихся кулибинцев побывали в плену, а остальные 10 мужчин пришли физически и духовно покалеченные войной. В послевоенное десятилетие многие из пришедших скончались от полученных ран. Мужское население резко сократилось. Это был первый серьёзный удар по деревне, за которым последовали и другие.

Вернувшиеся кулибинцы старались в жизнь села принести нечто новое. Кузьма Алексеевич Суслов в 1946 году вернулся из плена. Сельчане сразу заметили, что он стал каким-то другим: более независимым и внутренне свободным. Он был работником в Австрии у одинокой и обеспеченной женщины. Некоторые пленные привыкали к жизни в Европе и даже женились на своих хозяйках. Но Кузьму Алексеевича тянуло на родину. Он привёз с собой семена незнакомых тогда деревне овощей – томатов. Сделали грядки близ дома Ефросиньи, высадили рассаду, и помидоров было – всё красно. Так заразил Кузьма

Алексеевич своих земляков любовью к неведомому раньше овощу.

Тот, кому пришлось много путешествовать по миру и видеть иноземные красоты, всё равно скажет, что место, где расположилась деревня Кулибинцы, удивительно красиво. Тонким эстетическим вкусом обладали наши предки, селившиеся в местах притягательных, чарующих, запоминающихся. С высокого холма, на котором расположилась деревня, открывались чудесные лесные дали. Вековые ели, таинственные и мрачные, рисовали на горизонте зубчатую стену, подёрнутую синей дымкой. А внизу струился ручей чистой родниковой воды. В самой деревне росли посаженные жителями тополя, вишни, черёмухи, рябины, липы и березы. Часто они разрастались, окружали дома и протягивали летом свои ветви в открытые окна.

Можно сказать, что деревню Кулибинцы окружали с одной стороны широкие поля, а с другой – дремучие леса. Рядом – небольшая деревня Репняки, а в двух с половиной километрах – Дымы. Поэтому и поле перед этой деревней имело собственное имя и назвалось «поддымами», а лог и лес слева, если идти в Дымы от деревни, назывались «дымовские». Справа после поля «поддымами» шло поле «подзлыдни», или «злыдневское», таким же образом назывались и ложбины с перелесками на границе со Злыднями. Эта деревня была почти на таком же расстоянии, что и Дымы, от Кулибинцев. Дальше шла граница логом с деревней Лебедки. Поле и лог назывались «подлебедки». Мама, уходя на работу, часто говорила детям: «Я буду сегодня далеко, в поле подлебедками».

Под Лебедками шел Средний лог. Широкий Средний лог был знаменит ключом, находящимся как раз на середине лога. Все крестьяне утверждали, что вода, бьющая из этого ключа, полезная, и потому назвался ключ

«Способный». Своё, особенное словечко находилось для каждого клочка родной земли. В жаркие летние дни на сенокосе все люди брали целительную воду из ключа и пили. Разумно и любовно организованный уклад сложившейся десятилетиями деревенской жизни включал в себя и оздоровление минеральными водами.

Вода была прохладная, мягкая и сколько бы ее не пили, никто никогда не простывал. Косари увозили эту воду с собой домой для чая и для умывания лица. С давних пор бьет этот ключик, и из поколения в поколение передаётся слава о Способном ключе. Правда, расположен он был от поселений далеко, поэтому люди могли пользоваться способной водой только в летнюю пору во время сенокоса.

Деревня Лебедки была от Кулибинцев в нескольких километрах. Дальше шло поле, граничащее с полем деревни Суслиха. Это был торец деревни первого конца. Потом шла большая дорога в село Каринка, и поле называлось «от Каринки», а за ним – дорога с собственным названием «прямица». Это была прямая дорога в Каринку по лесу. Начиналась полоса леса от большой дороги к прямице и дальше к большой поскотине в сторону деревни Беси.

Большой лес имел ещё собственные подразделения. Его участки назывались «тулапина», «поляна» и т.д. Так легче было ориентироваться и понимать друг друга. Параллельно лесной полосе располагалось поле, потом, ближе к деревне, к первому концу, красовался кулибинский пруд, рядом стояла кузница, а перед кузницей была построена деревянная колода с круглогодично бьющим ключом холодной воды, и от колоды начиналась песчаная полоса уходящего в глубь деревни, к ее середине, оврага, который и делил Кулибинцы на две части.

За кузницей тянулся зеленой полосой лог с крутым косогором вдоль всего второго конца деревни, и называлось это место малой поскотиной. Это любовное велича-

ние каждого кусочка родной земли не только было продумано для удобства, но и скрывало в себе привязанность хозяина к обустроенной местности, любовь и уважение кулибинцев к тем местам, где им выпало жить. Такова была своеобразная культура провинции.

За малой поскотиной, где скот находился с самой весны, лог имел продолжение дальше, во владения Репняков, мимо репняковского пруда до нового пруда. Параллельно логу по косогорам тянулся еловый и пихтовый лес, который вплотную подходил к деревне Репняки, и за Репняками лес сменялся сосновым бором. Деревни Кулибинцы и Репняки были расположены на высокой ровной поверхности вдоль косогора с лесом с одной стороны и полями – с другой.

Примечательным местом для многих жителей деревни в детстве была мачта, которая находилась на самом высоком месте в поле «под Лебедками». Построена она была из толстых бревен на манер анкерной опоры. Высота ее была довольно большая. По мачте шла деревянная лестница, по которой забирались на верхотуру дежурные по деревне и осматривали округу, нет ли где пожара. Такая своеобразная пожарная каланча. Как и в городе, всё было продумано и обустроено.

В деревне, разделённой оврагом, существовал первый и второй конец. Названия были строго закреплены. В том и другом конце красовались конные двory, было также два коровника и два гумна с молотилками, сеялками, конным приводом. Имелись овощехранилища, амбары для зерна, овины для сушки снопов льна. На маслобойне, построенной усилиями местного жителя, из льняного семени изготавливалось масло. Всё было продумано и отлажено за триста с лишним лет существования деревни, рухнувшей в одночасье в период укрупнения хозяйств и переездов в «перспективные» населённые пункты.

Лес, которым издавна жил русский человек, был близок каждому деревенскому жителю. Он был достаточно ухожен. Его берегли. Если по дурости кто-то ломал ёлочку, то ему доставалось физически и морально. Так что дети были воспитаны сызмальства в духе уважения ко всему живому. Город в этом отношении деградирует всё больше, чаще порождая живодёров-дикарей. В дошкольном возрасте любой ребёнок делает открытие: «Кошка-то – живая». Вдумчивый родитель поддерживает, развивает эту тему, говоря о боли, которую испытывает всё живое, о необходимости сострадания. Этот важный и задушевный момент в семейном воспитании детей по разным причинам редуцируется.

Если лес раньше вырубали, то с думою. Сушины, как и валежник, брали на дрова, а на стройку в лесхозе выписывали строевой лес. По лесу шли колёсные дороги, на полянах пасли скот, который попутно разносил по всей округе грибницу, увеличивая тем самым урожай грибов. Всё было гармонично, продумано до мелочей и служило удобству и общему благу. По лесу было приятно пройти. Вот разросшийся куст ягод, огромный малинник, а там папоротник виднеется, под ногами – заячья кислица, кустики земляники. Всё натурально и чисто. Из леса не хотелось уходить.

Кулибинский лес – это ели, сосны, пихты. В ложбинах близ речушек встречались ольха, ива, кусты смородины. Все хорошо знали, что в еловых лесах надо искать белые грибы, белые грузди и сыроежки. В сосновом лесу встречались маслята, боровики. Где можжевельник – там и рыжики. На полянах – разнотравье: иван-чай, валериана, душица и много ещё чего. А в перелесках рос смешанный лес: осины, березы, черёмуха. Здесь уж россыпи красноголовиков, подберёзовиков, свинаярей. Земля в лесу покрыта пышным темно-зелёным «кукушкиным мхом». Ступишь на мягкую подушку – и провалишься. Этим мхом конопа-

тили стены дома, хлева и бани, а также утепляли вместо пакли стены, потолки и подвалы.

Деревенские жители рассказывали о встречах в лесу с рысью, которая, как любая кошка, любит с дерева прыгать сзади на спину человека. Не редкими были встречи с медведями, которые лакомились малиной или воспитывали своих медвежат. Собирая малину, можно увлечься и не заметить, что подружка почему-то молчит, а вместо неё с другой стороны малинника виднеется что-то коричневое. Если впереди была медведица с медвежатами, то люди старались не лезть на рожон. Они прятались, таились, пережидали, а когда животные отходили подальше, тихонько шли своей дорогой. Человек и медведь старались жить мирно и уважительно, не задевая друг друга. Случаев хождения на зверя с рогатиной или чем-то другим, зверского, садистского отношения к лесным жителям в памяти деревни не сохранилось.

В лесу не принято было ходить с оружием, хотя нос к носу можно было увидеть волка, если идёшь по «прямнице», то есть по дороге через лес из Кулибинцев в Каринку. Волк похож на большую серую собаку с поджатым хвостом и живыми, любопытными глазами. Он очень интересуется пасущимися на полянах коровами, овцами и козами. Волка легко перепутать с собакой, но намётанный глаз местных жителей редко подводил.

Однажды две девушки пошли в Вожгалы через лес. Путь от Кулибинцев немалый – около 30 километров. Поэтому отправились ранним утром. Вдруг впереди появились три очень внимательных волка. Девушки тут же забрались на сосны и стали кричать изо всех сил. Волки немного постояли и, не спеша, пошли к стаду в сторону поля. Люди знали, что громкие крики никто не услышит, но волков они отпугнут. Как пастухи обороняли своих животных – это особый разговор. Но потери были, и поэтому

каждая хозяйка стремилась всячески задобрить пастуха, вкусно угостить, чтобы он сохранил её корову.

Трагически заканчивающиеся случаи нападения животных на человека конечно были, но они как-то выветрились из памяти жителей деревни. Люди умели ладить с лесным зверьём: отпугивали громкими криками или огнём, но чаще просто потихоньку отходили в сторону. Зайцы-русаки, белки, лисицы встречались на каждом шагу. Бывало, идет деревенский житель и видит, что по полю кто-то прыгает. Это лисонька мышкует, охотится на мышей. Дети ловили в лесу ёжиков и приносили их домой. Но умные ёжики всегда ухитрялись сбежать, вернуться в родную стихию. А вот лоси были редкими, и охота на них была запрещена даже в голодные годы. Многие мужчины охотились на белок и зайцев, но ради тщеславия, охотничьей гордости животных не уничтожали. Брали из леса только самое необходимое.

Доброе, человеческое отношение ко всему живому воспитывалось веками. Оно входило в своеобразный «кодекс чести» деревенского жителя. Вспоминается признание Есенина, который ставил себе в заслугу то, что «зверьё, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове». К сожалению, только у некоторых городских жителей сохранилось такое сочувственное отношение к живому. Можно встретить женщину, стоящую у лотка с задыхающейся рыбой, с которой она разговаривает, утешая её тем, что и у нас такая же судьба. Хочется верить, что сострадание ко всему живому будет чертой не прошлого, а будущего человечества.

Особой ценностью обладал в деревне каждый человек вне зависимости от пола и возраста. На широких сельских просторах встреча с кем-то другим – это целое событие. Замков почти не было. Иногда только запирались сундуки с особо ценным содержимым. Ограды защищали лишь от

животных. Сельчане были в каком-то смысле беззащитны и открыты друг перед другом. Все жители знали не только биографии соседей, но и помнили их родственников. Эта коллективная память рождала и воспитывала в каждом чувство долга и ответственности не только за себя, но и за весь свой род.

А теперь спустимся вниз с холма, на котором раскинулись Кулибинцы, и с поскотины от леса бросим взгляд на деревню начала 1940 годов. Вечер, закат, всё в голубом свете, хорошо слышны голоса деревни, жизнь кипит. Какие-то разговоры, мычит корова, лает собака, играет патефон, поёт Русланова. И все ещё живы...

Когда грустно, когда кажется, что всё рушится, нет воздуха и нечем больше дышать, перенесите себя в тот лес, в ту заветную деревню – и станет легче, ведь благодатная энергетика родной земли даже на расстоянии творит чудеса.

ГЛАВА ВТОРАЯ

УКЛАД ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

ДЕЛА КУЛИБИНЦЕВ

В деревне середины XX века всё, за редким исключением, необходимое для жизни производилось самими жителями. Существовала определённая специализация, в то же время один человек мог заниматься различными видами деятельности, быть мастером на все руки. Все мужчины были плотниками, хорошо владели топором, заготавливая дрова или воздвигая дома. Многие говорили: «Я топор мог в руках держать. Плотник был порядочный». Но кузнечное искусство осваивали немногие, и поэтому хороший кузнец ценился высоко, занимал чуть ли не главное место в иерархии деревенских профессий. Были в деревне свои счетоводы, доярки, скотницы, шорники, слесари, знахари, портные, мельники, бригадиры и т.д.

Собственный дом тоже надо было обихаживать самостоятельно, выполняя массу работ. Все колхозники изготавливали хлеб дома, в русской печке. Детей в каждой семье было много, мужчины были на фронте, поэтому хлеб хозяйке приходилось выпекать почти каждый день. Оно бы, конечно, хорошо каждый день питаться свежим хлебом, но за всем этим стояла большая работа. Зимой хранящееся в доме зерно надо было отвезти на мельницу и смо-

лоть в муку. Мельницы в Кулибинцах не было, она была только в Сунцах, так как речка, необходимая для работы мельничного механизма, отсутствовала.

По народным представлениям, на мельницах обычно гнездилась нечистая сила, а сам мельник чаще всего был довольно состоятельным человеком. Не чуждался он и «левых» заработков. Очереди окрестных крестьян, приехавших, чтобы помолоть зерно, были довольно велики. Поэтому к услугам «помольцев» дербень. Так называлась изба мельника, где можно было сыграть в карты на деньги. Как-то кулибинский житель Василий на лошади повёз зерно на мельницу, но по дороге навестил дербень и проиграл там всё. Домой вернулся налегке без лошади, телеги и зерна. Но поскольку он был хорошим портным, то всю потерю сумел восстановить за зиму усиленной работой.

Работа по выпечке хлеба из готовой муки была круглогодичной у женщины. Важна была и заготовка дров. Летом и осенью выбирали в основном сухое дерево, которое «вструхнёт», его срубали и складывали в штабеля. Люди хозяйски, а не как хищники и временщики подходили к лесным богатствам, думали о том, что они оставят детям. Дрова вывозили домой, когда получали свободную лошадь от колхоза. Зимой их пилили, кололи и укладывали в аккуратные поленницы, чтобы было чем топить русскую печь, которая была основой всего дома. Без нее в то время жизни не было.

Ни один хороший крестьянин не жил без коровы, овец, поросенка, кур и т.д. Все стадо зимой надо чем-то кормить. Поэтому у крестьян было накопано много картофеля. Это, считай, второй хлеб: поросенку – картошка с крапивой, детям – шаньги с картошкой, картофель, запеченный в печке и в мундире, – объедение. Именно картофель в войну спасал людей от голода. Ранней весной, когда всё было съедено, а до нового урожая было далеко, собирали даже

мёрзлую картошку. Приходилось косить много травы на сено, которое шло овцам и коровам. Их кормили также соломой, мякиной и другими отходами от зерновых.

Всю зиму женщины вязали рукавицы и варежки, а весной ткали половики, онучи и полотенца. А поскольку все хозяйство было натуральное, то нити приходилось делать самим. Колхозницы стригли шерсть с овец, потом руками её теребили, распушали и пряли, чтобы потом из готовых нитей вязать носки и варежки.

Труднее было со льном. Чтобы получить льняное полотно, надо было вырастить лен на огороде, вытеребить его, в снопы связать, просушить в русской печке (поставить на ночь), измотать на «мялке» (такое приспособление из дерева), превратив сноп в кудель или волокно, а потом прясть, превращая волокно в тонкую нить. И только весной, до посевной, удавалось поставить в избе ткацкий стан и начать ткать льняное полотно.

В деревне ничего не продавалось. Если кто-то съездит в город и купит ситец, то тогда можно пошить обновки из него. Но в деревне работали за трудодни, которые оплачивались натурой. Денег у селян практически не водилось. Продать было нечего, так как налоги с крестьян были ужасные: молока с одной коровы – 200 литров за год, если овцы есть – шерсть отдай и т.д.

Приёмщицей молока от населения была одно время Анисья Васильевна Палишева. Она училась три зимы в школе и считалась женщиной грамотной. Её задача – определить жирность молока, которая в те времена должна была составлять 3,8 %. При маленькой жирности требовалось сдать большее количество продукта. А потом собранное молоко необходимо было отвезти в бидонах по нашим дорогам и в любое время года.

Овчину квасили, выделывали, чтобы деревенский портной сшил овчинные тулупы и шубы. Тулуп – длинная

до пят одежда с большим воротником, которая надевалась прямо на зимнюю одежду. Поездки в холодную пору в открытой повозке трудно представить без спасительного тулупа. Но от тяжёлой овчинной одежды болели плечи. Овчину иногда покрывали красивой тканью. С виду вроде хорошее пальто, но уж очень тяжелое. Портной обычно ездил по деревням с зингеровской швейной машинкой, шил прямо в доме заказчика или где придётся, а плату брал мясом, мукой и другими продуктами. Он кормил свою семью в суровое зимнее время, да и безденежным заказчикам было не накладно. Так и обходились без денег.

В колхозе зимой работы тоже хватало. Надо было готовить и подвезти корма к конным дворам. В Кулибинцах их было два: лошадей перед войной было много. Жители рассказывали о лошади рыжей масти по кличке Лучок, который, бедный, умер прямо на работе: тянул воз с дровами в гору, упал – и дух вон. Детство в основном связано было с лошадьми. Мальчишки рано начинали на них работать. Да и девчонки боронили поле на лошадях и даже отводили их в ночное. В колхозе было также два коровника с большим поголовьем черно-пестрых коров.

Свинарник был построен около Кулибинского пруда. Огромные свиньи давали многочисленное потомство. Там долго работала Акулина Суслова, жена Николая (дядюшки Миколы), у них был сын Яша, дочери Анисья, Ксения и Рая. Акулине помогали члены семьи. Без этого трудно выжить, но работали без выходных и всё делали своими руками. Акулина потеряла там все здоровье, ходила сторбленная остаток дней, а ее подруга еще и ослепла на тяжёлой работе.

В колхозе было большое стадо овец, даже привезли откуда-то белых породистых. Так что работа была у всех колхозников и летом, и зимой. Сейчас многие люди, особенно пенсионеры, изнывают от безделья. Куда-то ехать отдыхать – не на что, а в квартире у телевизора сидеть – бо-

лезни наживать. В то время ни дети, ни взрослые впустую время не тратили, хотя каких-то «погоняльщиков» у них не было. Скучно, да и стыдно было бездельничать. Всему населению деревни находилась нужная и полезная работа по силам.

ДЕНЬ КОЛХОЗНИЦЫ

День колхозницы начинался в 4 часа утра. Зима. Утром женщина вставала, одевалась и вытаскивала квашню с печи на «середу» (кухню), чтобы вымесить тесто, а потом снова поставить его в тепло на печь. Там обязательно кто-нибудь спал, отогревал бока до поры до времени. Больные и старики имели привилегии. Далее путь хозяйки лежал в коровник, где корова должна была отелиться, но пока еще не отелилась. Корова – кормилица и поилица. К ней у женщины особое, тёплое отношение, а животное отвечало хозяйке привязанностью.

Но зимой самое главное – печка, занимающая треть избы. На ней спят, греются и лечатся, в ней готовят еду и моются в зимнее время, когда всё вокруг заметает снегом по самые крыши. Женщина несёт рано утром поленья дров, чтобы уложить их в печь, и какую-нибудь растопку: сучки, щепу. Вот печь растоплена, дрова горят хорошо, ставится большой чугунок с водой в загнету. Он всегда там нагревается. К огню придвигается чугунок с картофелем в мундире.

Теперь дело доходит до овец, которым надо дать сена и узнать, нет ли там ягнят, а также проверить кур, которые живут рядом с овцами. Время летит быстро. Надо воду из колодца принести, а тут и тесто подошло и картофель сварился. Быстро выкладывается квашенка на середу, начинается разделка теста, если яровое тесто, то руками валяются ярушники (хлеб из ячменной или овсяной муки), и делаются лепешки на шаньги. Часть картофеля надо быстро очистить и развести обычным молоком или

мороженым, яйцом и сделать шаньги. Пока они подходят, быстро загрести угли в печи в загнет, подмести помелом под, то есть низ печки, и быстро деревянной «хлебной» лопатой посадить на него шаньги, за которыми следом пойдут ярушники из ячменя.

Такая значимая в жизни русского крестьянина печь пользовалась особым вниманием хозяев. К каждому празднику щербины на ней замазывались красной глиной, а потом белились. Наводили порядок и на шестке. Не дай бог, если в трубе скопилось много сажи. Это грозило пожаром. Поэтому хозяйка по субботам превращалась в трубочиста: с веником и ведром в чёрных от сажи руках и в грязной фуфайке.

Пока хлеб в печке, хозяйка напоит теплой водой скот, прибежит со двора к печке, откроет заслонку, а там шаньги поджарились, хлеб подрумянился. Она достает другой лопатой также деревянной, но поменьше шаньги, потом ярушники, все укладывает на «хлебные» доски, укрывает специальными холщовыми полотнами, называемыми «поваленник». Хлеб готов.

Дети проснулись, а бригадир уже зовёт на работу. Женщина отвечает, а сама режет на части шаньги, наливает в чашки молоко, все несет на вишневый стол и кричит семейству: «Завтрак на столе». Сама идет во двор к скоту, а потом дает наказ старшим детям сделать то, что она не успела, и уходит на работу. Старшая дочь начинает командовать, приказывая остальным детям: «Умойся, оденься и т.д.». Детей в каждой семье было тогда от трёх и более. Мыслили так: где есть четверо, там и пятый прокормится. Часто в большой семье были и приёмные дети.

Дети сидели всей компанией на замке. Дело в том, что с 1942 года всюду по деревням стали ходить нищие попрошайки, появлялись и лихие люди. Так что для спокойствия матери замок был необходим. Мать обычно прихо-

дила на обед и выпускала детей на улицу. Ей надо всё проверить, навести порядок после детей, которые даже не знали, что и когда ела их мать. Видимо, это была картошка с хлебом и молоком. Уходя с обеда, мама успевала отругать старших детей, сделать успокаивающий наказ и опять закрыть всех на замок. Так было все военные годы.

Вечером крестьянка приходила домой и снова по кругу: работа во дворе со скотом, заготовка воды на завтра и если хлеба хватит на завтра, то облегчение – не надо квашенку творить. Зато ночью надо корову сторожить – скоро отелится, а вечером еще вязать носки: собирают воинам на фронт подарки. Вот конкретный пример одного рабочего дня крестьянки.

Сейчас очень жаль российских женщин, вынесших на своих плечах такую жизненную ношу. Не было радио, телевидения, книг и газет. С фронта шли короткие письма и похорошки. После войны не стало легче, пришли инвалиды, пленные, больные, нервные, обозленные на жизнь люди. Всех терзал голод, потому что зерно, мясо, молоко продолжали вывозить государству, а на трудодни давали воз соломы или телегу репы, которая была в то время в цене: шла на еду и на корм скоту.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДОМ

Дома в деревне Кулибинцы были традиционные для России, то есть деревянные и одноэтажные. По крыльцу проходим в прохладные и темноватые сени. Здесь могла стоять кровать с балдахинном, спасающим летом от прожорливых комаров. Из сеней двери вели не только в жилые комнаты, но и в погреб, а также в хлев, где кто-то вздыхал, жевал, мычал и кукарекал.

Открываем дверь, переступаем через высокий порожек и оказываемся в комнате. Сразу бросаются в глаза дощатые полаты под потолком – царство детей, их спальное ме-

сто и пространство для игр. Сбоку русская печь просторно раскинулась почти на половину избы. Она того заслуживает, так как кормит, лечит и моет всё семейство. Когда оно разрастается, то происходит раздел. Одни строят себе новую избу, а те, кто остался, живут «на старине».

Рубленая из толстых обсечённых брёвен изба очень аккуратно проконопачена в пазах паклей. В переднем углу избы стоит чисто вымытый огромный стол вишнёвого цвета и широкие лавки рядом. В красном углу располагается треугольная полочка с иконами.

Зоя Васильевна Корзунина вспоминала: «Стены избы меня привлекали и тем, что на них я всегда находила такие узоры, которые моё воображение дорисовывало. Мне порой казалось, что на этом сучке, т.е. месте от сучка, расположена голова старика. Вот впалые печальные глаза, вот длинная, лохматая борода и редкие волосы, совсем как дедушка Мишка. Иногда я находила на стене корову, хвост собаки или голову цыплёнка. Эти картины получались в результате обработки стен. Их просто белили белой глиной, которую копали и привозили из Малашки. Сразу после побелки рисунков я не видела, но вот где-то возникали потёртости, особенно в районе печки. На печи мы быстро сдирали побелку на свои спины, головы, руки. Получались проплешины от потёртостей, оголялись сучки – и вот всё это создавало своеобразный рисунок, стоило только присмотреться. Эта способность видеть рисунки, давать свободу своему воображению осталась у меня на всю жизнь. А тогда, в детстве, в нашем бедном детстве, когда не знали о радио, тем более о телевизоре, не знали музеев, книг и т.д., я всегда фантазировала, создавала свой внутренний мир и жила в нём.

На стенах в домах всегда висели фотографии родственников в разных самодельных рамках и зеркала. Их было всего два. Одно зеркало было в старинной раме, цвет рамы

был тёмно-вишнёвый, само зеркало было очень туманно, с большими тёмными пятнами. Это зеркало когда-то досталось моим родителям. Смотреться в него я не любила. Но было и красивое новое зеркало, вставленное в самодельную раму. На зеркалах всегда висели полотенца – длинные, домотканые, очень белые и вышитые то чёрными косями, то разными цветами. На концах полотенец всегда были кружева».

Потолок в доме был очень высоко, так высоко, что приходилось вставать на большой стол, чтобы достать руками до потолка, когда хозяйка его мыла. Потолочины смотрелись гладко, янтарно-жёлто. Такой вид у потолка был всегда, потому что к каждому большому празднику, будь это Пасха, Новый год, Октябрьская или 1 мая, он промывался щёлоком и песком. Работа была не из лёгких. Обычно женщина вставала на стол и, начиная с переднего угла, отмывала каждую потолочину, и так доходила до «середи», расположенной перед печкой. А старшая дочь мыла потолок над полатами, где не надо было напрягаться.

Полати были огромные, начинались от правой стены и тянулись до самой печки. Крепились они на двух брусках. Передний брус был достаточно широкий. Внутри бруса была выдолблена глубокая канавка, куда и вставлялась каждая полатина. Второй брус был не такой мощный, как передний, имел квадратную форму и располагался по задней стене, проходя над входной дверью. Полати ограждены были «перилами», которые состояли из трёх горизонтальных тёсаных жердей, скреплённых вертикальными стойками.

На полатах хранилось много всякой одежды: старые дедовы озямы, шубы, «коробейки» с разными платьями и другие вещи, в углу иногда хранился лук. Взбиравшемуся туда было тепло, мягко и привольно. Там спали все: дети, взрослые и случайные гости. Частенько ребятам из соседнего дома было интересно переночевать у своих при-

ятелей. Случалось, что родственники из окрестных сёл не успевали до темноты добраться до дома. Всех принимали полаты, где количество спальных мест не регламентировалось, и все спали вповалку. В жизни и играх детей деревенские полаты сыграли немалую роль.

Старики и больные спали на печке-лежанке. Деревянные лавки специально делались широкими, чтобы на них можно было прикорнуть, укрывшись тулупом. Существовали также металлические кровати, но можно было устроиться прямо на полу.

А какой светлый с желтизной был тогда пол! В то время полы не красили. Видимо не было в магазинах соответствующей краски, да и не на что было её купить. Крашеных полов в деревне Кулибинцы в 1940-е годы никто не имел. Широкие половицы порой за неделю так затопчутся валенками и лаптями, что пятнышка белого не видно. Но вот приходит суббота и начинается в доме уборка. Многие хозяйки очень любили чистоту, хотя не было у них помощников: муж и дети заняты своими делами. В субботу перетряхивалась вся постель с полатей, с печки-лежанки, промывались все полы добела. В ход шёл щёлок, нож-скребок, веник из грубых сучков, песок. А уж после обеда затапливалась баня.

Жители вспоминают, что во время войны зимы были суровые, сугробы стояли огромные, и, чтобы не разгрести дорогу до далеко стоящей бани, они часто мылись в печке, куда легко влезали и где свободно себя чувствовали. Многим даже нравилось там мыться. Проём печи был большой, в нём свободно мог разместиться взрослый человек. Туда ставились большие чугуны с водой или с картофелем. Потолок в печи был высокий, куполообразный и похожий на небесный свод.

Стирка белья производилась своим же продуктом — щёлоком, который делали из древесной золы. И здесь без

печки не обойтись. Брали из неё совок золы без углей, клали в тазик, заливали тёплой водой и держали несколько часов. Получалась щелочная вода для стирки. Мыло существовало, но его надо было экономить. После стирки в щёлоке шли к проточной воде в деревянной колоде под холмом, на котором располагалась деревня, и полоскали в ней выстиранное бельё.

Сложность была в том, что к колоде надо было спустаться вниз с горы. Зимой бельё укладывали на санки. Тут уж без помощи старших детей трудно было обойтись. Мальчик тащит санки, а мать сзади поддерживает груз. У отца семейства были в это время другие дела. В процесс стирки и уборки он обычно не вмешивался.

Животные, зерно, сено и всякие припасы содержались в пристройках у дома. Сарай заполнялся осенью сеном, мякиной, яровой и ржаной соломой, гороховиной – всем тем, что шло на корм скоту. Корова жила в коровнике. В овчарнике содержались овцы. Там же вместе с ними зимой жили куры. Было своё место и у свиней. Для кошки проделывалось отверстие в дверях, чтобы она могла посещать интересующие её помещения. А на крышах между тёсом и брёвнами жили чаще всего галки, откладывая в свои гнёзда зеленоватые с коричневыми пятнышками яйца. Места хватало всем.

Зерно и корма хранились в амбаре. Рядом с ним находился погреб, без которого в летнее время не обойтись. В помещении из брёвен, похожем на амбар, была вырыта глубокая яма. Каждую весну её заполняли снегом, плотно его утаптывая. Возникал ледник для хранения мяса, рыбы, масла, сала, сметаны. Рядом стояли крынки с молоком. В погребе летом было прохладно и сумрачно. Его двери почти не закрывались, так как постоянно надо было что-то брать или относить.

Вблизи деревни Кулибинцы не было реки или пруда.

Далеко в лесу били родниковые ключи. Поэтому колодцы были необходимы. Они уходили в глубину, где в двухведёрную железную бадью набиралась чистая вода. Без неё не поешь и не попаришься в бане, она нужна скоту и огороду. Колодец был ограждён бревенчатыми стенами и крыт соломой или тёсом. Бадья ставилась на широкую часть обруба колодца. Она часто падала, так как обрывалась верёвка. Тогда нужна была металлическая «кошка» с тремя крючками, чтобы вытащить бадью. Летом, в жару воды становилось мало, и приходилось залезать в колодец, чтобы его почистить и углубить.

СУНДУК В КЛЕТИ

Клеть – это кладовая при избе или в отдельной постройке. В просторной клетке часто располагались полки и сундуки, хранились всякие припасы. Может быть, поэтому в словаре вятских говоров есть и другое толкование слова «клеть»: человек скупой, прижимистый, скряга.

В клетке стены сложены из брёвен, а потолок – из пиленных досок. Тут собраны небольшие сундуки. Они из дерева, кованы цветной жезью и набиты всякой всячиной. В одном – старая одежда, в другом – кудель, мотки суровых ниток и т.д. Но был здесь один заветный большой сундук – хозяйкино приданое. Вот он запирался всегда на большой висячий замок. Ключ хранился в разных местах. Иногда его с трудом находили.

Сундук был очень вместительный. В нём всегда лежали сладости. Комковой сахар хранился в тряпочке. Его приносили к чаю по праздникам. Отец семейства маленькими кусочками отделял небольшую массу сладости и, разделив её на большое количество маленьких кусочков, клал в сахарницу. Детям в большой семье доставался один кусочек или два, если повезёт. С одним кусочком во рту можно было выпить целый стакан чая. Были в сун-

дуке кульки с конфетами, печеньем и сушками. Но всё это богатство расходовалось очень экономно: по большим праздникам или в качестве премии отличившимся детям выдавалась конфета или сушка. Там хранился также мелкий рис в тряпочке, он использовался как лекарство. Если кто-то страдал расстройством желудка, то мама отсыпала столовую ложку риса и заваривала рисовый отвар больному.

Сам сундук был доверху набит новой одеждой. Одежда определяла уровень благосостояния человека и его место в своеобразной деревенской иерархии. Она могла вызывать зависть и быть предметом пересудов. Люди выбивались из сил, чтобы «справить» обнову. На праздник обычно наряжались сами и в лучшее одевали детей. Поэтому ничего удивительного нет в том, что в случае пожара хозяйка старалась спасти драгоценный сундук.

Это было её приданое. Даже девушка из бедной и многодетной семьи весь свой девический период готовила к замужеству хорошие вещи. Будущая невеста сама пряла волокно и ткала полотно на стане. Пестрядь – грубая льняная ткань из разноцветных ниток. Из неё делались скатерти, полотенца, ковры и юбки. Сидя на вечеринках, девушки украшали всё это узорами. На вышивках были петухи с яркими хвостами, чёрные кони, цветы и т.д.

В сундуке лежали розовые или жёлтые «пары» (юбки с блузками) из старинной однотонной ткани. Хранились разноцветные отрезы ситца и коленкора. Лежали новые мужские рубахи-косоворотки и брюки. Новое самодельное одеяло выглядело ярко: с одной стороны алая кашемировая ткань посередине и синий сатин по концам, а с другой – домотканое жёлтое полотно. Одеяло вынималось из сундука зимой, когда надо было с больным ребёнком ехать к врачу в Каринку. Женщина в пальто и тулупе усаживалась на сено в сани, держа в руках завернутого в одеяльце

малыша, а сверху её накрывали вместе с ребёнком ватным одеялом, чтобы морозный воздух не навредил больному.

Все заготовленные хозяйки наряды так и оставались новыми. Они сохранились как мечта о той жизни, которая должна была состояться, но так и не сбылась. Передряги российской действительности больше всего заделали крестьянку. У неё не было ни отпуска, ни выходных. В старой фуфайке и юбке, в лаптях и подшитых валенках она так и проходила весь свой век.

ПОЖАР

Пожары в русских деревнях – обычное явление. Загорался один дом, и огонь быстро перекидывался на остальные постройки. Причины пожара различны. К примеру, рассказывают, что Эмма ходила в клеть за куделью и обронила лучину. Пожар вспыхнул мгновенно. Лучина изготавливалась из хорошо просушенных поленьев, расколотых на дольки. Это был своеобразный «струг». Стружка горела прекрасно, а открытый огонь нёс в себе постоянную угрозу пожара. К тому же весьма опасны были тогдашние соломенные крыши. Их крыли ржаной соломой, которую коровы не едят. Солому клали внахлёст, чтобы верх крыши не промокал. Но из трубы искры часто попадали на солому.

Пожары в летнюю пору до сих пор не покорены. В деревнях, где дома деревянные, а пожарных служб не существует, пожар – страшное, грозное явление. Деревня Кулибинцы горела несколько раз в старые времена. Жителям запомнился сильный пожар в 1934 году.

Пожар начался в троицкую субботу. Был жаркий июньский день, люди работали на дальних полях, а кто постарше, тот остался дома и готовился к троице. У Николая Сулова топилась баня, и, видимо, дующим сквозным ветерком от леса вынесло из печки искру, и баня запо-

лыхала. Огонь перекинулся на соломенную крышу дома. Кровля загорелась.

Увидев пожар, невестка Николая бросилась в горящую избу, в клеть, где стоял её заветный сундук, чтобы что-то спасти от огня, но пол под ней провалился, и её прикрыло горячей кровлей. Говорили, что невестка была очень красивой молодой женщиной, только что вышедшей замуж за Якова Николаевича. Детей у них еще не было. Сама она была родом из деревни Монастырь и очень любила маленьких детей.

Не все восхищались тем, что она вошла в горящую избу. Её жалели, но и осуждали за то, что наряды свои спасала, рискуя собственной жизнью. Хотя можно ли судить молодую женщину за то, что она, растерявшись, бросилась в клеть. Да и от судьбы, видимо, не уйдешь. Дом Сусловых сгорел, а пламя ветром несло по деревне на другие дома.

Пока люди с полей, увидев пожар, прибежали, пока из соседних деревень приехали повозки с бочками воды, весь второй конец деревни выгорел. Сохранилось лишь два дома, жители которых были дома и поливали крышу водой из ведер, чтобы не вспыхнула соломенная кровля от жары, потому что жар от пожара был сильный, все деревья между домами опалились пламенем.

Родители вынесли младенцев из дома и положили в поле у дороги. Через некоторое время мимо проезжала какая-то машина, но тут оказался рядом Корзунин Иван Федорович, спешащий на пожар и случайно заметивший, что младенцев может раздавить машина. Он спас их, а через несколько лет погиб на фронте, спасая страну. Так и не успели выросшие дети сказать ему слова благодарности, о чём они до сих пор жалеют.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Большое или маленькое хозяйство, а председатель колхоза всегда был. Его выбирали колхозным собранием. Председателем работал в 1949 году репняковский Тимофей Максимович Корзунин. У него были взрослые дети: сын Яша попал в плен, сын Иван, дочь Анна и внук Борис. При Тимофее колхоз держался крепко, хотя в работе везде и всюду были женщины. Молодые девчата грузили и возили зерно, а также работали в лесу на лесоповале. У подростков была более легкая работа. Они боронили поля, вывозили навоз на лошадях из дворов в поле, а в конце лета молотили на гумне рожь, пшеницу, горох.

Один день молотбы гороха так вспоминала Зоя Васильевна Корзунина: «Его возами привозили на гумно и наваливали около самой молотилки. У стола, на который подают снопы зерновых или охашки гороха, стоял сам Тимофей. Пожилой, но ярый, быстрый. Он принимал горох охашками от меня, толкал эти охашки в молотилку и кричал мне: «Давай, давай, шевелись» – и гнул свои маты. А я со своими слабыми ручками, совсем без силы, с трудом отделяю охашку гороховины от кучи и несую ему на стол. Хотя мне уже было 15 лет, я плохо развивалась, в то время была маленькая ростом и силы не было. Он сколько раз с кулаками насккивал на меня, хватал гороховину и сам тащил на стол молотилки, а я кляла эту тяжелую работу и шептала про себя, что «ни за что не останусь в колхозе, уеду». Работы тяжелее, чем тянуть гороховину из кучи, я больше не встречала. И лесоповал был у меня, и все другие тяжелые работы, но эта работа запомнилась на всю жизнь.

Я в силу разных обстоятельств покину потом свою любимую деревню, ко всем местечкам которой сердцем прикипела. Но леса, поля, перелески, луга и луговины, холмистые увалы нашего леса, недалеко от дома, травы их запахи – всё это будет жить во мне до самого смертного

часа. Европейская купальница, сколько венков мы подделали из нее, душица, ее огромные поляны около Репняков, валериана по всему логу от Кулибинского пруда до Нового пруда. Поля ромашек, васильков, я уже не говорю о мелкоцветущих травах. Всю красоту пришлось покинуть не только мне, но и всем Кулибинцам и Репнякам. Сейчас там обозначается деревня кустами сирени, показывая, что тут был наш дом и когда-то были люди».

ДЕД АНОХА

Дед Аноха когда-то служил в церкви, но ушёл оттуда и стал ходить по деревням. Был он слепым и нуждался в поводырях. Ими обычно становились девочки-сироты разных возрастов. Поскольку Аноха знал молитвы и умел крестить детей, то был весьма востребован в деревнях. Его кормили и давали хорошие подавания.

Во второй год войны к дому Кулибиных подошёл слепой старик с девочкой-поводырём лет десяти. Это был Аноха. Девочка была для него чужая. Кто-то решил отдать ему на время дочку, чтобы она с ним прокормилась и не умерла с голоду. Была морозная зима, и хозяйка, поговорив со стариком, оставила его ночевать. Она накормила всех вечером и отправила спать на печку старика с девочкой и своих детей. Девочка принялась рассказывать сказку, а хозяйская девочка стала разглядывать деда Аноху. Перед ней сидел старик с редкими волосами и тощей бородой и смотрел перед собой большими карими глазами. При этом он шептал молитвы и почёсывал своими когтистыми пальцами редкую бороду. И вдруг девочка увидела на бороде вшей. Она тут же сообщила страшную новость матери, которая очень боялась этой гадости. На следующий день с утра мать истопила баню и отвела туда старика, вооружив его частым гребнем.

Такие вот были нравы в деревне. Святым делом было пускать ночевать, привечать и кормить не только род-

ственников, но и чужих людей. Аноха приходил в деревню ещё несколько раз и перекрестил там всех некрещёных. Никто не знает, где и когда он умер.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Характерно то, что деревня по привычкам людей и жизненному тону делилась на три части: первый конец, второй конец и Решняки. В первом конце жили почти все родственники и в основном Суслowy. Он считался от дома Кузьмы до оврага и дома Елькина. Жители там больше дружили с соседями, общались между собой и если проводили общие праздники в октябрьскую (а тогда было модно отмечать революцию), то своим концом, своим кругом. Там был у Маши и Алексея патефон.

Первый патефон появился в деревне до войны у Григория Архиповича Суслowa. Его единственная приёмная дочь Катя жила в Кирове и способствовала появлению музыки в деревне. Потом модная техника появилась у Алексея Афанасьевича Суслowa. В прекрасные тихие и спокойные летние вечера раскрывались створки окна и заводился патефон. Звучала песня «Зашагали, загудели провода, мы такого не видали никогда», пела Русланова («Окрасился месяц багрянцем» и «Липа вековая»), слушали и Чайковского, но Русланова сельчанам нравилась больше. Они всей деревней собирались у раскрытого окна.

Гитара пришла в деревню из города, и была она в семье Андрияна Дресвянникова. Его сёстры Валя и Клава хорошо играли и пели под гитару. В военные годы к ним присоединялась Наташа Бармина. Тосковали и страдали вместе, а девчонки их слушали:

*Я люблю, когда стемнеет,
Когда люди спать уйдут.
Вечерком Наташа с Клашкой
Под гитарочку спюют.*

Жил в деревне балалаечник Никифор с женой Феклиншей. Он высокий и худощавый, а она маленькая, с косяными глазами. Оба были слепые и ходили ночевать по разным домам. Платой за ночлег была их игра для хозяев и обучение детей. А гармошка и песни в деревне были всегда. Так что тяга к музыке удовлетворялась в меру сил и возможностей.

Второй конец был более пёстрым по фамилиям, и потому особой дружбы между соседями не было. Но родственники разных поколений контактировали между собой. Кулибины, к примеру, общались со своей бабушкой Настасьей и ее мужем Дмитрием. В октябрьские праздники часто все люди второго конца собирались у бабушки Настасьи, у нее две избы, есть где столы накрыть и поплясать, гармонист был её сын Василий, еду готовили коллективно несколько женщин. Каждому находилось занятие.

Всем нравились эти праздники, потому что один раз в году люди собирались вместе, своим кругом, говорили, пели песни, веселились. Для детей потом накрывали стол отдельно. Вкусно кормили тушёной картошкой с мясом, разными сладостями, а хлеб был нарезан от больших караев широкими ломтями. Каравай – хлеб из ржи, а ярушник – хлеб из ячменя. Тонкая нарезка заставляла подозревать хозяев в отсутствии щедрости и гостеприимства, поэтому куски были весомые. Самогон в то время не пили, а привозили откуда-то красное вино. Чаще всего пели популярные тогда песни: «Окрасился месяц румянцем», «Скакал казак через долины», а также звучали «Коробушка» и «Шумел камыш».

Репняки праздновали тоже своим кругом, иногда они приходили в гости во второй конец, а иногда все с гармонистом и гармошкой шли по деревне с песнями в первый конец. Все чувствовали себя одной большой семьёй. Это было до войны. Люди очень веселились, словно чувствова-

ли, что больше такого не будет. Война все перечеркнула. Послевоенные годы были голодными и печальными.

Самые значительные праздники в деревне Кулибинцы – это Масленица, Пасха, гулянье перед сенокосом, октябрьские, сочельник, Новый год. Время праздников и напряжённого труда никогда не совпадало. Стыдно было брать в рот спиртное во время весенней пахоты или во время сенокоса. Пьющий в любое время и без меры не считался человеком. Его сторонились и осуждали.

На Масленицу устраивали горки: вырубали жерди и по ним скатывались на ногах прямо в солому, пили вино и играли по копейке в карты. Пасху всегда встречали нарядными, всегда на столе были румяные шаньги и крашенные яйца. На чистый пол постилали ржаную солому, а на брус полатей в избе привязывали качели для детей. Иногда качели привязывали в ограде между берёзами. Всю пасхальную неделю царствовали: сытые и нарядные качались на качелях и пели песни.

В домах к празднику наводили порядок. Мыли не только полы, но и столы, лавки, стены, потолки и т.д. Желтизна дерева, сохраняющего свою фактуру веселила глаз. Сочельник запомнился мусниками. Это были пресные сочни с загнутыми краями, залитые квашеным тестом. Каждый праздник требовал соответствующего угощения.

Весной и летом радовало многое: появляющиеся всходы, поспевающая рожь, высокая трава, готовая стать душистым сеном и многое другое. А вот после заготовки дров на зиму начиналось осеннее время свадеб с шутками и чудачествами. Часто свадьба ехала уже на санях. Она была красива: 20 лошадей, украшенные нарядными полотенцами из холста, везли нарядных сельчан. Звучали шутки, смех, песни. Свадьбу праздновали всей деревней с приглашением гостей. Все этапы сватовства и последующего праздника сопровождались угощением.

Важным для невесты было наличие объёмного сундука, в котором хранилась одежда, скатерти, постельные принадлежности. Нет сундука – нет невесты. Сундук был деревянным, обитым железом, такой горизонтально расположенный шкаф. Поездка во время свадьбы за сундуком невесты превращалась в маленький праздник.

Дружка со стороны невесты участвовал в рукобитье и сговоре, когда пиршество шло в доме невесты. Дружка жениха дружил тогда, когда жених приезжал за невестой. Дружка жениха, проводив поезд из дома невесты к венцу только за околицу, возвращался в дом невесты и приглашал её родных на пир «к молодому князю со княгиней». Всей компанией возвращались к жениху, открывали большой стол и начинали «чесной пир» на весь мир. На пир приглашались и соседи, только они не сидели за «большим столом», а ждали, когда уведут молодых и гости разойдутся. Тогда приходил и их черёд.

Часто отсутствие работы, средств к существованиюставляло мужчину становиться примаком, жить в доме жены. Приходили из армии после войны, а дома нет, есть нечего. Тогда предприимчивые женщины, вдовы надевали нарядный полушалок, сватали бывших военных и брали «сироту» в свой дом. Так, к примеру, возникла семья Алексея и Ефросиньи Колесниковых. А до войны 19-летний Дмитрий Бармин из бедной семьи, состоящей из одних детей, пришёл в дом 28-летней Настасьи. Оба стали крепкими середняками и жили в любви и согласии до конца своих дней.

Обычно же невеста приходила в дом жениха. Свекровь-большуха продолжала вести домашнее хозяйство до тех пор, пока молодуха не рожала сына. После этого задача приготовления пищи и заботы о скотине становилась делом молодой жены. Мать мужа занималась уходом за детьми. Бывало, что бабушки рано слепли, но свои обя-

занности они всё равно должны были исполнять. Вспоминают, что слепая бабушка постоянно держала внука за рубашку.

КУЗНИЦА В ЖИЗНИ ДЕРЕВНИ. ДЕРЕВЕНСКИЕ МАСТЕРА

Впервые кузница появилась во второй половине XIX века, сначала в деревне Репняки. Кузница была основана Иваном Корзуниным. Она была нужна всей округе. Однако её дважды сжигали завистники. Жители Лебедков, Солодил, Репняков и Кулибинцев как всегда дружно помогали заново ставить кузницу. Место её расположения постоянно менялось, и после коллективизации она оказалась у пруда близ деревни Кулибинцы.

В кузнице долгое время работал Василий Андреевич Кулибин. Сильный, красивый, настоящий русский богатырь. Дети с удовольствием наблюдали у горна, как красный раскалённый штырь при помощи молота и наковальни превращается в подкову. Связки подков висели на стене, лежали на полках. Рядом с ними короткие гвозди, которые ковал сам деревенский кузнец. Кузница была своеобразным клубом, местом встреч и бесед самых разных людей, так как каждому надо было позаботиться о своей лошади. В кузницу из разных деревень поступали заказы на ремонт плугов, сеялок, борон, а также саней, телег, тарантасов. Даже кресты на могилы усопших ковал тот же кузнец. А если вспомнить, что боевое снаряжение в старину, то есть копья, мечи, кольчуги, щиты, шлемы — дело рук кузнеца, то будет понятно, почему этот огненных дел мастер был по традиции самым нужным и уважаемым человеком в деревне.

Работа его была не из лёгких. Но в него влюблялись женщины, а дети сельчан в праздники читали в честь кузнеца стихи:

*Кузнец – молодец
Расковался жеребец
Ты подкуй его опять.
Почему не подковать?
Вот гвозди и подкова.
Раз, два – и готово.*

Консервативна деревня Кулибинцы была потому, что расположена была далеко от большого поселения. До Каринки – 5 км, а до областного центра – 80 км. По хорошей дороге это меньше часа езды, но по убитой просёлочной – долго и опасно. Людям было трудно что-то продать и купить, очень редко привозили что-либо из города, иногда завозили в сельпо ситец и давали строго по пять метров на хозяйство. Люди жили за счет своих трудов на подворье и за счет своего рукоделия.

В условиях такого замкнутого натурального хозяйства возрастала роль собственных умельцев, без которых трудно обойтись. Своих мастеров знал каждый. В первом конце жил хороший портной Иван Иванович Палишев. Он шил верхнюю одежду, и многие жители не только Кулибинцев, но и окрестных деревень были его клиентами. Нина, дочь Ивана Васильевича и Веры Суховых, вязала на спицах из белой овечьей шерсти очень хорошие шали. Кузьма Суслов, побывав в плену, научился выращивать томаты и другие овощи.

Во втором конце жил кузнец Василий Андреевич Кулибин. Он также хорошо плел лапти, корзины, делал плетенки из ивовых веток, которые можно было использовать для более мягкой езды на лошади, делал очень красивые тарантасы, а также сани, телеги, колеса. Работа шла в кузне, а иногда на дворах.

Многие мужчины были неплохими плотниками. Их можно было часто увидеть с топором в руках сидящими где-нибудь верхом на бревне. Плотницкие работы были

постоянно востребованы. Не надо забывать, что в колхозе водилось два конных двора. Всем лошадам надо сбрую, а где её купишь? Вот и приходилось конюхам всё делать своими руками: узду, подпруги и всякую амуницию для лошади из дубленой кожи. А это уже работа шорника. Трудно сказать, чего не умели крестьяне. Колодцы копали сами, строили дома, делали мебель, бадьи, ведра, замки к зерновым амбарам ковали в кузнице, шили, вязали и т.д. Время берегли и не разбазаривали, используя его для создания нужных и полезных вещей, которые могут облегчить и украсить крестьянскую жизнь. Некоторые изделия от кулибинских умельцев до сих пор верно служат людям. Были даже свои деревенские летописцы, которые на бумаге запечатлевали значимые события.

Вспоминается жена рано умершего Якова Алексеевича Корзунина, которая взяла в дом в мужья Ивана Афанасьевича Суслова, прозванного в народе «Палялкой». Его жену стали звать «Паляльчихой», а как звучало ее настоящее имя, никто не знает. В деревне привычно было называть женщин по мужу – Егориха, Алешиха или по прозвищу. Вот эта Паляльчиха хорошо пела русские протяжные песни, голос у нее был прекрасный, и дети 10-12 лет, работая с женщинами, в том числе с Паляльчихой, на прополке овощей в поле, часто в минуты отдыха просили эту бабушку спеть. Она не хотела, но ребята не отставали, и раздавался ее красивый грудной голос, который многие помнят даже по прошествии десятков лет. Много было таких бесспорных, но по-настоящему не реализованных дарований в русской деревне.

Во время войны все женщины много работали, но когда шли с работ, то всегда по старой традиции пели песни, особенно этим отличались женщины первого конца деревни. Хорошо пела Маша. Получив похоронку на мужа Алексея, она не очень верила в его смерть, ждала. Но вре-

мя шло, и она вышла замуж за Александра Дмитриевича Корзунина, и у них родилось много детей.

Были ли в кулибинской деревне книжники? Наверное, нет. Духовные интересы возникают тогда, когда удовлетворены физиологические потребности и появляется свободное время. До всего этого Кулибинцам середины прошлого века было ой как далеко! Традиция регулярного обращения к книге отсутствовала, да и книг в деревне, живущей почти без денег, не появлялось. Книги были только в школьной библиотеке. Иногда у кого-нибудь случайно оказывалось 2-3 книги. Обычно они были зачитанные и толстые, без корочек и названия. Чаще всего одной из книг оказывался старинный псалтырь, где на одной странице было что-то написано по-старинному, а на другой – по-русски. Дети пытались читать про Матфея, но не понимали, что к чему, и клали книгу обратно в сундук. Куда интереснее были принесённые родителями журналы с картинками, которые можно было долго рассматривать.

Отношение людей к властям было в то время не очень любезное, все боялись высказаться, и казалось, что люди живут в другом мире, а работают на износ в этом мире. Тяжелый труд был у скотниц, так называли ухаживающих за животными. Настасья Кирилловна Бармина долго работала скотницей на дворе: кормила, поила, доила коров. Нелегко было и конюхам. Сколько воды надо было вытянуть из колодца тяжелой бадьей, чтобы напоить животных! Работали обычно по сменам несколько человек.

Был ли какой-то доход у людей? Трудно сказать. После коллективизации каждому двору оставили 50 соток земли, и люди жили и работали на них для себя по утрам и вечерам, а днем шли работать в колхоз на государство. Очень похоже на былую барщину. И также как раньше за трудодень ничего не давали: ни денег, ни зерна. Позднее, во времена Хрущева, отрезали у всех по 20 соток земли,

чтобы люди интенсивней работали в общем хозяйстве. Пришлось на оставшихся 30 сотках выращивать картофель, капусту и всё остальное.

Упадок колхоза пришел неожиданно в связи с укрупнением хозяйств. Шло уничтожение «неперспективных» деревень, а по-теперешнему это была очередная «оптимизация». Все, что было на дворах: инвентарь, скот – все куда-то увезли, то ли в Солодилы, то ли в Каринку. Многое осело в домах «распорядителей». Так укрупнили, что у людей опустились руки, и рухнуло все хозяйство. Сейчас уже ясно, что не «оптимизация» была нужна, а помощь существующим хозяйствам, механизация и развитая инфраструктура. К сожалению, сейчас в Кулибинцах окрестные поля давно стали лесом, а в том месте, где кипела жизнь, пустынно и одиноко.

РАДОСТИ СЕЛЬЧАН

Как бы ни трудна была жизнь в деревне, но жители о ней жалеют, потому что там прошли их молодые годы, это была их жизнь, их время и другого им не дано. Впрочем, были и свои радости, свое счастье и радовались в то время больше, чем сейчас радуются люди.

Рады были рожденному теленочку. Ночью, в жгучий мороз он родился на холодном дворе, родители принесли его в избу погреться. Дети с полатей прибежали смотреть: «Ой, какие ножки, какая мордашка и не похож на мать – корову Зорьку». Радовались неделю, пока его не унесли обратно в стойло.

Радовались новой шубке или валенкам, новой игрушке. Слово Зое Васильевне Корзуниной: «Однажды папа из города привез мне куклу, туловище – тряпка набита опилками, а голова, ножки и ручки, как настоящие, только не двигаются, как я радовалась, играла с ней день, а на ночь спать брала с собой на полати. Мы и взрослые радовались

не меньше. Купили папе кровать, и я была очень рада. Сейчас посмотрите на лица людей – их ничего не радует, кроме водки. А дети? Они завалены игрушками, а где их радость?

Мы жили в то время чище и не ели ту отраву, какую нам сейчас продают. Вода была родниковая, из чистых колодцев, а они были почти у каждого хозяйства. Ручьи были в лесу: били прямо из-под елей. Родниковую воду не только пили, но стирали в ней бельё. Его полоскали в выдолбленной из дерева колоде. Ручей бежал в колоду летом и морозной зимой. Он был живой, никогда не замерзал. На огородах овощи и зерно удобряли только навозом и перегноем. Химии в наших домах не было. Был щелок из древесной золы и хозяйственное мыло, редко «духовое» мыло для лица. О воздухе я уж не говорю. Сосна, ель, пихта окружали наше жильё своими целебными ароматами.

Еженедельной радостью была баня. Стояла она вдали от дома. Это был бревенчатый сруб, проконопаченный лесным зелёным мхом. Топилась она по-чёрному. Дым уходил через дырку в потолке. Вдоль стены стояла широкая лавка, на которой располагался бак для холодной воды. В углу – каменка со встроенным чугунным котлом для нагрева воды. Под котлом – сухие еловые или берёзовые дрова. Женщины обычно сами топили печку. Но перед этим надо было расчистить дорожку к бане, поставить веточки, чтобы её обозначить, а потом наносить воды в котёл и заготовить дров.

Каменка нагревалась так, что если на неё плеснёшь водой, то капли отскакивают и превращаются в пар. Печку поливали для запаха пивом или квасом. Две ступени вели на возвышение из толстых гладких досок. Дверь в баню невысокая, так что надо при входе нагибаться, чтобы не стукнуться о косяк. Предбанник был холодный. Так что в нём быстро раздевались и одевались. А постоянно

висящие там берёзовые веники, запасённый летом, напоминали о нём своим запахом зимой.

Баня была для сельских людей лекарем, спасавшим от многих болезней. Если простудились, кости ломит или просто плохое самочувствие, то идём в баню. Дожидаемся, когда воздух в бане станет прозрачным, а в горле не першит и не ест глаза от дыма, и со сменным бельём, тазиком и мылом идём мыться. Летом рвём лопухи и натираемся ими сверху донизу. Сначала окатываемся прохладной водой, потом моемся тёплой. Хлещем друг друга по спине и ногам горячим берёзовым веником. Разогревшись до красноты, прыгаем в сугроб, барахтаемся в снегу, а потом снова паримся и окатываемся прохладной водой. Одетых и закутанных в шали маленьких детей уносит домой отец, а большие бегут сами по протоптанной среди высоких сугробов дорожке, похожей на глубокую канаву.

РОДИЛСЯ РЕБЁНОК

В большой крестьянской семье постоянно появлялись младенцы, которых баюкали, укачивали в зыбке. К потолку избы привинчивали два металлических кольца, в которые вставляли выструганную берёзовую жердь (очеп). Один конец очепа вставлялся в кольцо, а второй держался толстой верёвкой. К нему и подвешивалась зыбка. Она была сделана из коры липы, прошитой гибкими прутьями. На растяжках dna лежала тонкая овальная доска, а на ней чистая, золотистая ржаная солома. Высота зыбки – 40 сантиметров. На солому клали пелёнку из старой рубашки и подушечку, набитую соломой. Вот на такую постель клали младенца, завернутого в пелёнку и перевязанного тесьмой, сшитой из цветных лоскутов. Сама зыбка лоснилась от потёртостей, а её края были изгрызены зубастыми малышами. Ко дну была приделана петля, в которую вставляли ногу и качали малыша, освобождая руки для

домашних дел. Это сооружение доставалось в наследство от прадедов, и в нём выросло не одно поколение большой семьи.

К зыбке привязывался хорошо обработанный коровий или бычий рог, на который надевался эластичный коровий сосок. Из него малыш пил молоко. А от мух младенца защищал полог, сделанный из широкого полотна. Бывало, что младенцев оказывалось в доме сразу несколько. Тогда зыбки привязывались в разных местах. В том числе на середе, то есть как бы в кухне, небольшом пространстве перед печкой.

Важным предметом в процессе выращивания детей служило так называемое дупло. Это был не очень высокий цилиндр, сделанный из толстого дерева и выдолбленный изнутри. Там находилась гладкая перекладина для сидения малыша. Само дупло было гладким, вылощенным до блеска. Сразу было видно, что использовалось оно много лет и служило многим малышам. Ставили его в передний угол у стенки и зажимали тяжёлым столом.

В первый год войны мужчины ушли на фронт, оставив многочисленных детей на женщин. В то время во многих семьях было четверо и более детей. А ещё была необходимость зарабатывать трудовни. Уже в семь лет девочки становились настоящими нянями для младших детей от шестилетних до младенцев. Обычно бригадир подходил к палисаднику у дома и кричал в окно: «Эй, Палаша! Сегодня пойдёшь резку резать во дворе». Он никогда не спрашивал, может ли женщина идти на работу, как там её дети. Хозяйка, крутящаяся у печи, приближала голову к самому стеклу и говорила: «Ладно, ладно, приду».

ТРУД ДЕРЕВЕНСКОЙ ДЕВОЧКИ

В семь лет старшая дочь становилась полноправной помощницей матери. Но главным её делом была забота о

младших братьях и сёстрах. К тому же ей надо было присматривать за пятилетним, четырёхлетним и т.д. Грудного ребёнка нянька почти не выпускала из рук. Издали с завистью смотрела она на игры других детей.

Во многих семьях дети рождались каждый год. Смертность была большой, выживали только сильные. Чаще всего дети умирали от воспаления лёгких. «Няньку» лет в девять отдавали в школу, которая находилась в другой деревне, где она и жила. Приглядывать за младенцем становилось некому: родители, бабушки и дедушки были на работе. По этой причине маленькие дети часто погибали без присмотра.

Деревенские занятия интересовали девочку. Она присматривалась к ним и пробовала свои силы. Училась доить корову, косить траву, готовить еду и т.д.

В двенадцать лет девочка была уже опытной работницей «со стажем». А к праздникам ей надо было мыть всю избу вместе с мамой. Она с трудом доводила до нужного состояния пол и деревянные потолочины, мать её подхваливала при этом и никогда не прогоняла, хотя самой ей потом приходилось многое переделывать.

Краску в доме в довоенное и военное время почти не употребляли. Для сельчан она была дорогой. Поэтому пол за неделю пачкался так, что пятнышка белого не оставалось. Но общими усилиями мамы и дочери всё деревянное в избе становилось белым с желтизной. В субботу перетраховалась вся постель с полатей и с печки. При уборке использовался щёлок, нож-скребок, веник без листьев и песок. После уборки топили баню и всё семейство мылось и переодевалось в чистую одежду. И так было всегда.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЕДА

Молоко было самым главным для крестьянина продуктом питания. Спать ложиться – надо выпить стакан молока. Утром – молоко и шаньги. Это лепёшки из теста, на ко-

торые кладётся картофельное пюре или красная свёкла. Из яровой или пшеничной муки пекли не только шаньги, но и мусники, солоники (обманная выпечка «без ничего»), пироги. Их готовили с рыбой, морковью и картошкой, которая спасала людей в трудные годы. Хозяйка старалась не повторяться, чтобы каждый день радовать домочадцев какой-нибудь новой стряпнёй.

Ячмень шёл на муку, из ячмёнки пекли оладьи. Из пшеничной муки выпекали вкусные булки. Ржаные караваи получались высокие, пышные, ноздреватые. Дети любили отрезать ломоть, посыпать солью (тесто обычно не солили) и есть с наслаждением. Из ржи варили пиво и делали квас.

Из овса делали толокно, которое активно использовали в пищу. Овёс замачивали, пропаривали в русской печи, а потом сушили. На мельнице овёс одёргивали, получая ядрицу, которую оставалось только помолоть. Из готового толокна можно было сделать сухомес. Просто развести толокно молоком и добавить сахара. Было ещё такое блюдо. Замешивали толокно на квасе, и когда масса становилась эластичной и густой, то её укладывали горкой и поливали сверху топлёной сметаной. Еду ставили на середину стола, и вся семья, начиная с хозяина, ела её ложками. Квас с толокном для крепости пили все и всегда. В летнее время ещё добавляли лук. Это любимый лёгкий и сытный крестьянский «перекус» на сенокосе.

В начале зимы, пока корова ещё доится, хозяйки успевали наморозить молока в блюдах. Замерзшие круги выносились на мороз и хранились в клетки. Потом эти круги скребли металлическим скребком, получая белую стружку. Её складывали в кринку и мешали мутовкой до тех пор, пока эта стружка не превратится в белую густую пену. Потом пекли оладьи и опускали их в чашку с прохладной молочной пеной. Объедение!

Когда в 1941 году мужчины ушли на войну, то весной был голод, ходили нищие. Приезжали люди из соседних сёл и меняли рожь на картошку и т.д. Помогала и репа. Из неё готовили парёнки следующим образом. Накладывали в корчагу репу, а сверху клали соломки для закрышки. На ночь корчагу ставили в тёплую печь вверх дном. Парёнку ели с квасом как постное холодное. Во время покоса было удобно и лакомо есть сушенку, которая готовилась из сушёной парёнки очень просто: надо было репу вывалить на одну ночь на под печи. Сушенку ели с квасом или суслом.

Выходя голодными из школы в военные и послевоенные годы, дети дёргали репу: «Фу! Турнепс!». А хотелось похрустеть жёлтой и сочной репкой-шанешкой. Но до дому идти далеко – и турнепс сойдёт. Набирали полную сумку репы и грызли всю дорогу, так как знали, что дома не накормят. Ну, может, дадут кусок хлеба, в котором муки мало, а в основном – лебеда. Репу же можно парить в чугунках в русской печке. Придёшь с мороза, откроешь чугунок: «Запах!». Ешь с краюхой хлеба, запивая квасом. И ничего больше не надо. В конфетах деревенские ребята тоже не нуждались. Из свёклы и моркови делались сушенки. Набирались полные карманы – и на улицу. Еда здоровая, полезная, зубы не портит!

Летом только больной и ленивый не кормился в лесу. Весной ели цвели красными шишечками, их называли «севериха», а у сосны были бело-кремовые «плавунь», так ребята объедались ими. Тут и витамины, и все остальное. В дело шла и смола хвойных.

Без грибов не жила ни одна семья. Их солили, сушили, а из свежих готовили похлёбку. Лес пихтовый и еловый очень близко подходил к огороду, а Репняки были вообще рядом с лесом. Утром подростку можно было взять корзинку и айда в лес, пока родители на работе. Набрать сыроежек полную корзину – это минутное дело. Потом их

почистить и поставить после обеда в печку сушиться на противне. В это время в печке не жарко, и грибы высыхают к утру, становясь чистыми, хрупкими и пахучими. Из таких грибов хорошо зимой варить суп, печь пироги, делать грибную икру.

В то время леса были чистые, ничем не отравлены. Весь валежник и сухие ветки заботливо собирались населением на дрова. В таком ухоженном лесу сельчане набирали за лето много белых грибов, маслят, белых груздей, лисичек, рыжиков, которые шли в засолку. Больше всего кулибинские леса славились белыми грибами и рыжиками. Собирали их в конце августа, когда днём тепло и солнечно. Рыжики появляются под вереском на горках. Вереском кулибинцы называли можжевельник. Из травы выглядывает зеленовато-рыжая шляпка, а вокруг – масса мелких грибов величиной с пуговку. Их можно сразу засолить в бутылке с широким горлом. И получим удивительный деликатес. Зимой солёные рыжики с отварным картофелем подавали к оладьям.

Летом появлялась масса разнообразных съедобных трав. Но самое большое лакомство – земляника с её потрясающим ароматом и малина. Ели ягоды черёмухи, рябину замораживали на зиму. И всё ели до оскомины, досыта. Вспоминается принесённая в морозный день гроздь ярко-красной рябины, покрытая серебряным инеем. Тут тебе и вкусно, и красиво, физиологическая радость и эстетика.

О землянике особый разговор. Когда ребёнок впервые видит земляничную поляну, то вырывается удивлённое: «Ой, как красный плат!». Собирает ягоды в рот, а для родных рвёт веточками и составляет целый букет спелых ягод. Запах земляники, свежий и утончённый, потрясает не меньше, чем вкус. Когда в деревне наступала ягодная пора, пора земляники, то её собирали в поле, в лугах, в лесу целыми бидонами и большими эмалированными блюдами.

По дороге за ягодами гадали, подбрасывая блюдо со словами: «Полное, неполное – будь с верхом». Если блюдо приземлялось правильно, то будет с верхом, а если оказывалось дном вверх, то быть ему пустым. Часто дети набирали полное блюдо с верхом, а верх украшали веточками с ягодами. Иной сладкоежка, очарованный несравненным запахом, успевал съесть все ягоды, не дойдя до дома. Другой же шёл, любуясь красотой верхушки блюда, и нечаянно спотыкался, падал, разбрасывая ягоды во все стороны. Такого неудачника выручали всей компанией, сообща собирая для него ягоды или отваливая ему из своего блюда. В пищу землянику употребляли по-разному. Можно есть целые ягоды и запивать молоком. А можно размять её толкушкой, добавить сметану и подавать к оладьям или блинам.

В лес за земляникой ходили иногда с бураком, который представлял собой желтоватый туесок цилиндрической формы из коры берёзы, аккуратно прошитый ветками с плотно закрывающейся крышкой. Во время сенокоса в жаркую пору в бураке носили квас, хранили молоко. Бураки были вытеснены из крестьянского быта эмалированной посудой.

Разнообразило крестьянский стол следующее блюдо. Из-под корня лохматой ели бьёт родник чистой серебристой воды. В логу он сливается с другими и образует речушку. Ставим корзину поперёк реки. Белюшки, краснопёрки, пескари окажутся в ней. Их можно поджарить в сметане.

В войну, когда был настоящий голод, люди кормились лесом. Обьедали шишечки с ели и сосны. Лебеду сушили и смешивали с картошкой. Яиц и молока не было, хотя куры и коровы были. Всё приходилось сдавать. Продуктами своего труда колхозники не распоряжались. Но говорили, что для маленьких детей «мати оставляла стакан молока». В то время многие серьезно болели: в каждом доме

проживало несколько семей, а врачей в деревне не было. Голод был в деревне не только во время войны, но и после. Люди работали с утра до поздней ночи, всё отдавая в закрома родины. А осенью им на заработанные трудодни привозили к воротам телегу репы или воз соломы. Так что кормили крестьянина его 50 соток.

ОДЕЖДА ДЕРЕВЕНСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Натуральное хозяйство могло рассчитывать только на собственные силы и возможности. Керосин и соль покупались, а всё остальное было делом собственных рук. В том числе и одежда. Одежда делалась и льна или овечьей шерсти. Шкуры животных также шли в дело. Издавна существовали мастера по отделке шкур и пошиву одежды из неё (шубы, тулупы и т.д.). В холодном климате без тёплой одежды не обойтись. Оставшаяся после смерти родственников одежда бережно донашивалась членами семейства. мех никогда не выбрасывался. Тёплыми тулупами укрывались в холодные зимы те, кому не досталось тёплого местечка на русской печке. Они располагались на ночлег на кроватях и на широких деревянных лавках, которые специально делались такими, чтобы быть местом для сидения днём и для сна ночью. Поперёк лавки можно было уложить и младенца в пелёнке.

А «престижное» место на печи принадлежало старым и больным. Забираешься на верхотуру, а там тебя ждёт горячее зерно для просушки. Подгребая его под себя с закрытыми глазами создаёшь полную иллюзию пребывания на жарком южном пляже. Впрочем в середине XX века в российской глубинке такое кому-нибудь вряд ли приходило в голову. Но интенсивное прогревание было универсальным средством от многих болезней. Дети изредка залезали на печку, хотя чаще всего они спали и резвились на полатах, где было много мехового старья.

Одежда и украшения бабушек передавались внукам и бережно хранились в довольно объёмистых деревянных сундуках. Рейтузов и лифчиков в деревне чаще всего не было. Они придут позже из города. А пока женщины носили длинные юбки колоколом. В середине XX века в деревне по случаю награждения или просто покупки оказывались различные городские ткани, из которых мастерицы шили разнообразную одежду, украшая её вышивкой и всякими поделками. Особенно активно шили и мастерили перед войной.

В это время в Кулибинцах жили хорошие подружки Ефросиния и Устинья. Обе хорошо вышивали крестом. Однажды пришла соседка и восхищенно сказала, что Устинья вышила белый фартук таким узором: будто за столом сидят гости, а вышитые буквы составляют фразу «гости сидят, пьют, едят и разговаривают». Вот такие были рукодельницы! Ефросинья ни в чём не уступала своей подруге. Она была рукодельницей от бога. Имея пятерых детей от второго мужа, она не только справлялась с хозяйством, работала в колхозе, но и без всякого электричества успевала ткать красивые дорожки, много шила, вышивала и прожила почти 90 лет без двух дней.

Вторая половина 1930-х годов – это время относительной стабильности и надежд, бодрости и оптимизма в народных массах. Даже традиционно грустные песни перелдывались, в них появлялись счастливые концовки. Так, ставшая народной, но написанная Суриковым песня про одинокую и страдающую рябинушку завершалась теперь картиной страшной бури, которая благополучно перенесла рябину к любимому дубу. Мечты сбывались.

Репрессии шли и бури гуляли где-то в верхах, а в глубине России, в тысячах небольших селений жизнь подчинялась своим, сложившимся за столетия законам. Настасья Кирилловна Бармина, потерявшая в революцию и в

Гражданскую войну копившиеся в чулке бумажные деньги, которыми она потом оклеила стены дома, ещё и раскулаченная по причине купленной семейством молотилки, оглядывая без злости, с юмором пройденный путь, самым счастливым временем называла вторую половину 1930-х годов, когда они всей деревней радостно, под звуки патефона рыли пруд для зеркальных карпов, а сама она исполняла обязанности поварихи и готовила вкусные обеды для всех работников. Зеркальные карпы казались верхом роскоши и довольства. Дети спрашивали взрослых: «А что, в этих карпов можно будет смотреться как в зеркало?». Это была общая прекрасная мечта, безжалостно разрушенная не только войной.

Пришло время объективно взглянуть на события прошлого, не выпячивая репрессии, не сводя только к ним жизнь огромной страны. В деревне Кулибинцы, к примеру, от репрессий пострадала только одна деревенская дурочка, спевшая частушку про Сталина. Так было и в десятках тысяч других поселений. Мы видим сейчас, что в обстановке безнаказанности наглые готовы сорвать с ближнего последнюю рубашку.

КУЛИБИНСКИЙ ПРУД

1941 год. Весна и лето в вятских краях выдались прекрасные. Колхозным собранием постановили, не откладывая дело в долгий ящик, соорудить новый пруд. В Кулибинцах имелось два небольших пруда, где водилась мелкая рыбёшка: пескари да караси, но этого было мало. Новый пруд должен был стать большим, широким водоёмом, в котором будут резвиться крупные карпы. Сказано – сделано.

Когда ребятня прибежала на стройку, то перед ней обнаружилась насыпь из красной глины, большой провал, накрытый широкими досками и снующие одноколёсные

тачки. Всё мужское население деревни работало. Строительство было в разгаре. Ребятам стали угощать кашей, сваренной тут же в больших котлах, и варёными яйцами. Играл патефон: пел Лемешев. А вокруг – глухие вятские леса. С одной стороны шумели огромные лохматые сосны, с другой – стеной стоял еловый лес. Детям казалось, что они присутствуют на каком-то большом празднике. Жажда глубинного и непосредственного единения людей и природы – это отзвуки чего-то древнего и предвосхищение будущего. Поэтому такие моменты гармонии запоминаются на всю жизнь.

Идиллия безжалостно оборвалась вестью о начале войны. Зоя Васильевна Кулибина вспоминала: «В какой день и час люди узнали о войне – не знаю. Помню только, как бабушка мне сказала: «Отца забирают в армию – иди попрощайся». На войну забрали практически всех мужчин. Колхоз осиротел. Остались вдовы да девчата. Им пришлось заменить мужчин. Тяжёлые мешки с зерном, выращенным за лето, девчата грузили для фронта на своих плечах. Они же валили лес, работали на машинах и тракторах, выполняя нелёгкую мужскую работу. Помню также, как прозвучала для нас, деревенских ребят, весть о победе. Я училась в 4 классе. Сидим как-то, ждём, а учителя всё нет. Вдруг в класс быстро входит руководительница и говорит, что уроков не будет: «Все идите домой и скажите, что пришла Победа».

Деревню Кулибинцы ещё господь миловал. Несколько счастливых вернулись домой живыми и невредимыми, с орденами и медалями. Коля Кулибин был парень рослый, сильный, работающий, но тихий, необщительный, стеснительный. Ему всегда выпадала самая тяжёлая работа. И на войну он попал в первую очередь. Но вернулся цел и здоров, да ещё с орденами. Видимо, и на фронте он был безотказным, выполнял как надо любое поручение,

так как с детства знал, что надо дело делать, а не ворон считать. А вот Ивану Ивановичу Палишеву не удалось выжить в мясорубке войны. Ему было уже под сорок, когда его 2 сентября 1941 года Возгальский райвоенкомат призвал в армию и отправил в пехоту. Родные получили от него всего четыре письма. Последнее было написано в декабре под соснами близ Можайска в 100 километрах от Москвы. Там были остановлены немецкие танки.

Война не только нанесла глубочайшие физические и психологические раны, но и лишила прежней чистоты и веры. К тому же большинство женщин враз овдовело. О возвращении к прежнему, довоенному мироощущению не могло быть и речи, хотя так хотелось жить по-старому, чтобы мужики были живы и не лились детские и вдовьи слёзы. В частушках 1940-х годов, которые можно найти в этой книге, нашло отражение тогдашнее мироощущение:

*Воротись, воротись,
Старое-то времечко!
Воротись, воротись
Хотя бы на маленечко...*

КАК УМИРАЛА ДЕРЕВНЯ

Во время войны вся тяжесть крестьянского труда обрушилась на хрупкие женские плечи. Женщины и девушки грузили тяжёлые мешки, пахали землю, были доярками, свиноводками и т.д. Конечно, такой труд не мог не отразиться на здоровье. Потом можно было видеть согбенные спины, скрюченные пальцы, преждевременное старение когда-то молодых и весёлых. Матерям не хотелось, чтобы дети повторяли их судьбу, и они буквально выгоняли своих отпрысков из деревни. Рвались веками сложившиеся связи.

30 мая 1950 года вышло постановление ЦК ВКП (б) «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле». 7 июля того же года рассматри-

вался ход его выполнения. Говорили о том, что это дело правильное, так как способствует организационно-хозяйственному укреплению колхозов. На 1 июля 1950 года в результате укрупнения мелких колхозов их число по СССР уменьшилось на 46 тысяч, что составляло 18% от общего числа. Вместо того, чтобы строить дороги и коммуникации, решили просто «закрыть» деревни, не считаясь с населением. Чуть ли не тайком вывезли всё деревенское добро в другие места. В ходе укрупнения, судя по документам того времени, часто расхищалась колхозная собственность, разбазаривалось зерно. При инвентаризации председателями колхозов скрывались от учёта грузовые машины, сёдла, автопокрышки и т.д.

В довоенные и послевоенные годы крестьяне были лишены паспорта и вынужденно были привязаны к своему месту. При существующей в то время авторитарной системе всё держалось на принуждении, внешней силе, а также на «сознательности» населения. Старшее поколение спокойно воспринимало существующие порядки. Но молодёжи надо было что-то придумывать, чтобы изменить свою жизнь.

Чтобы вырваться из колхоза, надо было проявить большую изворотливость. Чиновники уже в то время не были безгрешны. Удавалось их уломать и получить нужные бумаги. Девчата после войны стали выходить замуж за ребят, искалеченных, израненных войной, в другие деревни, а это была основная сила колхоза. Молодые парни, подрастая, уходили в ФЗО и другие училища и оставались в городе, а девушки, окончив 10 классов, поступали в техникумы, институты и находили потом другое место работы.

Жительница деревни вспоминала: «Я дружила с Капой, а ее дядя работал начальником райсобеса, и когда я пришла в райсобес искать работу, то он, поговорив со мной, принял меня в собес младшим счетоводом, где я выполня-

ла начисления пенсии и ходила проверять материальное положение пенсионеров. Вот эти командировки в деревни меня повергали в ужас. Уже в 1950-е годы деревни начали умирать. Вскоре их число сократилось в десять и более раз. Прихожу в одну деревню, а там три развалившиеся избы: в одной – старик, довольно боевой и шустрый, и стоит молодуха, а рядом ее мать, которая говорит: «Посмотри, с кем она живет – со стариком, нет никого в деревне, не за кого выйти замуж». Этот старик был пенсионером, его старая жена жила рядом, но в другой избе. Записала я их материальное положение почти тоже, что было записано в карточке раньше, какая-то формальность, да и что другое напишешь, когда при мне ни разу не была оказана хоть какая-то материальная помощь пенсионеру. Долго я бегала от одной деревни к другой, удивляясь, как они разваливались и погибали у меня на глазах.

Молодые люди из деревни обязательно служили в армии, где они составляли большинство. Служили после войны братья Кулибины: Сергей, Геннадий, Виктор, служили их погодки из каждого дома Кулибинцев и Репняков. Анатолий Егорович Корзунин служил в танковых войсках – командиром танка Т-34. Из армии ребята редко возвращались в колхоз. Город забирал всех к себе. Сергей Кулибин устроился в Кирове, работал водителем, его брат Геннадий успел окончить техникум и работал на разных работах. Виктор Кулибин окончил станкостроительный институт в Ижевске и работал инженером на заводе Ижмаш. Анатолий Корзунин, окончив вечерний техникум, 13 лет работал на Яйвинской ГРЭС, был отличным работником, потом работал на Рязанской ГРЭС – 5 лет, и в 40 лет его не стало.

Рано умер Сергей. Рано умер Виктор, лечил желудок, а умер от сердечной недостаточности, когда началась так называемая перестройка. Ещё не подсчитано количество

жертв близоруких и безжалостных преобразований конца XX века в нашей стране. Отчаяние и безнадёжность вырвали из жизни миллионы людей. Никого не обманывает якобы «неожиданный» всплеск сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний. Умерла деревня, и умерли преждевременно ее люди. С ними ушёл их мир. Был разрушен столетиями создававшийся сельский уклад жизни. Остаётся только с грустью воспроизводить в своей памяти культуру деревенской жизни, тот лад, который уже невозвратим.

Невольно вспоминаются настроения крестьян в период растаскивания хозяйства Кулибинского колхоза, когда люди не хотели покидать родные места, но их никто не слушал. Приезжали из района уполномоченные, собирали колхозников в контору и агитировали за слияние хозяйств, а потом зачитывали свое решение собранию. Кто был «за» или «против» – на это не обращали внимания.

Начиная с 1967 года можно проследить по письмам, как старели, слабели оставшиеся жители и как умирала деревня Кулибинцы. Перед нами переписка Василия Андреевича Кулибина с сыном Виктором. В 1968 году Василий Андреевич писал: «Я все работаю в Мерзляках в кухне, теперь все машины к полевой посевной подготовили, но на работу ходить плохо из-за плохой дороги, здоровье слабеет. Здесь в Кулибинцах можно бы жить, но работа далеко – 5 километров и магазина нет. В деревне осталось 7 домов, да в Репняках 1 дом Дмитрия Петровича». В октябре этого же года он писал сыну Виктору: «Все работаю в Мерзляках, а мать около скота, ходит караулить».

8 сентября 1969 года: «Работаю без выходных, теперь у нас в Мерзляках работают из Каринстроя человек двадцать. У матери что-то глаз заболел, придётся везти её в Киров. Не знаю, как без нее справлюсь. Домовничать оставим бабушку Настасью. Мою спину отвело, боли не стало». В феврале 1969 года: «В деревне осталось 5 домов,

да в Репняках 1 дом». В 1970 году: «Я все работаю в Мерзляках, а мать по хозяйству. Оба переболели гриппом, я на ногах износил, все работа, но часто болит спина и отражает на ноги. Дали лошадь, за которой приходится ухаживать».

В ноябре 1972 года: «Живем на старом месте. Осталось 2 дома в нашем конце. С письмом задержался, времени не хватает, вдобавок электрического света нет два месяца, так как трансформатор сгорел, да и будет ли теперь свет? Нет уже людей. В Репняках никто не живёт. Саша с семьей переехала в Мерзляки. В том конце Корзунин Александр Корнилович уезжает в Мерзляки. Остался в первом конце Степан в своем кирпичном доме».

В конце 1973 года: «Живем пока зиму дома в деревне, в нашем конце два дома да один дом в первом конце. Трансформатор поставили, дали свет. Телевизор отремонтировали». В 1974 году: «Сообщаем, что посылку получили, мать с радости даже поплакала. Почта к нам не ходит, посылку привез сосед Степан. Дали квартиру в Мерзляках. Совхоз купил старенький дом у Гениного свояка, который уехал в Киров. Вещи перевозили на тракторных санях. Дом хуже нашего прежнего, много работы по ремонту. Сын Гена два раза приезжал, помогал ремонтировать. Куры здесь не несутся и плохо с водой».

Так, 7 апреля 1974 года с выездом из Кулибинцев последних жителей умерла деревня, которой было 400 лет. Когда я приехала на то место, где когда-то была деревня, то лаем меня встретила собака. В чистом поле стояли стены без крыши и железная кровать на ещё сохранившихся половицах. Тоскливо сжалось сердце: войны вроде здесь не было, а как будто Мамай прошёл.

В заключение следует сказать, что почти 400-летний путь деревни, который представлен нами, свидетельствует о закономерностях и особенностях, отличающих русскую

жизнь. С одной стороны, провинция в хорошем смысле этого слова консервативна. Она сохраняет и передаёт будущим поколениям традиции и нравственные принципы, без которых не может существовать ни один народ. Патриотизм и любовь к малой родине люди деревни впитывают с молоком матери, хотя специально, по заказу их никто не воспитывает. Система взаимоотношений человека с другими людьми, с окружающим миром отработана веками до мелочей, что нами и зафиксировано. С другой стороны, замкнутое натуральное хозяйство слабо стимулирует человеческое и техническое развитие, обрекая жителей на бесконечный и неизменный круговорот сельской жизни. Родители гнали детей из деревни по причине неверия в возможность каких-то перемен. Следовательно, не только близорукая политика тогдашних правителей, но и сама логика деревенской жизни привела многие сёла к гибели.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛЮДИ ДЕРЕВНИ КУЛИБИНЦЫ И ИХ СУДЬБЫ

Нет возможности одинаково подробно рассказать обо всех жителях села, которые в городской жизни стали строителями, монтажниками, учителями, бухгалтерами, юристами, водителями, инженерами, биологами, поварами, продавцами и т.д. Тысячелетия занятий предков земледелием и скотоводством сказались на судьбе их потомства, которое всё-таки больше стремилось к естественным наукам, чем к абстрактным, к реальной, живой работе, а не к бумажной, хотя широкий разброс избранных ими специальностей диктовался жизненными обстоятельствами.

Большая история страны реализовалась через судьбы конкретных людей. В Кулибинцах было примерно 36 крестьянских многодетных хозяйств, а рядом – деревня Репняки, где было 10 хозяйств. Репняки по характеру отличались от кулибинцев. Все они были в родственных связях, поэтому казались более консервативными, семейственными и обособленными. В Кулибинцах же народ был разнообразный по возрасту, полу, привычкам. Хватало всяких людей: веселого нрава, замкнутого, некоторые были хорошими общественниками, другие любили быть властными, немало было хитрых людей, себе на уме, но что их всех

объединяло – это любовь к труду. Многие жители имели также свою «специализацию». Был, к примеру, неизменный дружка – Тимофей Семёнович Суслов.

Работа была не только печальной необходимостью, но и радостью. Как азартны были косари во время сенокоса! Как увлечённо работали кулибинские мужики во время строительства нового пруда! Все они сызмала любили крестьянский труд и умели делать любую крестьянскую работу. Были пахарями, косарями, плотниками, пастухами, лесорубами и т.д. Крестьяне стремились к новой лучшей жизни, жили и работали для нее, верили, что вот ещё немножко, и всё будет хорошо. Но почему получился такой плачевный результат? Впрочем мы ещё в пути, и всё вернётся на круги своя по законам диалектики.

В деревне долго не было никакой школы. Все учащиеся осенью и весной ходили в село Каринка, где школа была в подсобном помещении церкви. Старшие классы были расположены в других домах. Потом условия улучшились. В 1948 году появилась четырёхлетняя школа в Кулибинцах, но через несколько лет её закрыли по причине отсутствия учащихся. Снова дети стали ходить за 5 км в Каринку, а желающие продолжить образование после 7 классов поступали в Сырчёнковскую среднюю школу, находящуюся от деревни за 17 км. В ней учились многие, получая среднее образование. Выпускники тепло отзывались о своих учителях. Вспоминали, что на уроках литературы отрывки из «Войны и мира» цитировались наизусть, с физиком ученики обсуждали новые источники энергии, которые должно найти человечество, и т.д. Учителя открывали детям большой мир, стараясь, чтобы их знания и умения были на должной высоте.

В целом все старались жить мирно и дружно, дорожили своей репутацией, которая в деревне становилась достоянием не только самого селянина, но и всего его рода.

Завистники тоже были, и пересуды были, хотя открыто не враждовали, бросая при встрече друг на друга косые взгляды, что было особенно заметно на работе, когда люди собирались вместе в поле, на скотных дворах, на собраниях. Все понимали, что обострение отношений в деревне, где все на виду и незащищено в каком-то смысле, крайне опасно.

Любили ли сельчане власть или не любили? Второе ближе к истине. В деревне существовали свои осведомители, которые сообщали о происходящем куда надо. Жители их знали и были осторожны. Поэтому открытых выступлений, каких-то призывов не было. Все боялись, так как на их глазах за частушку о Сталине, спетую глупой Ефросинией, ее забрали, увезли и сгинула она неизвестно где, хотя у нее остался сын Миша, которого пришлось воспитывать её сестре.

Были ли люди деревни набожны? Были, хотя и воинствующих атеистов было предостаточно. До войны, пока была не закрыта церковь в Каринке, многие ходили по праздникам на службу. Особенно набожны были соседние Решняки. Молодое поколение шло в пионеры, потому что кто не пионер, того презирали. Школа вела очень активную борьбу с верующими: позорили за ношение крестика, смеялись. Однако в те времена детей крестили бродячие попы. В военное и в послевоенное время люди были серьезны, сдержаны, не болтливы и молча переносили все невзгоды. Нежности и поцелуи не были распространены в быту.

Хотелось бы вспомнить подвижников, стремящихся изменить что-то в жизни людей. Так, репняковский Пантелей Михеевич Корзунин, потеряв трёх сыновей в Великую Отечественную войну, «всю свою старость» ходил по инстанциям и хлопотал об открытии старинной церкви в селе Каринка, но так ничего и не добился. Церковь в Каринке открыли только с перестройкой.

Особых развлечений в деревне не было. Когда молодое поколение подрастало до 6-7 класса, то собиралось по выходным дням в конторе. Мечтали о своём театре и однажды уже после войны поставили спектакль «Медведь». В группу артистов входила Тоня Сулова, которая играла медведя. Она всех очень насмешила, очаровала и показала свой артистизм. Нашёлся и режиссёр. Однажды из Каринки приехали учителя со своим спектаклем, который назывался «Погуляем с ветерком». У них заболела актриса, и они попросили сыграть местную девочку, которую потом долго дразнили парни, называя её «Погуляем с ветерком». Спектакли были незабываемыми событиями, которые собирали всю деревню, привносили нечто новое в привычную деревенскую жизнь.

В самом начале 1960 годов маслобойка, построенная на окраине деревни, пустовала и молодёжь собиралась там и готовила концерты, на которые приходили и съезжались на машинах и телегах жители всех возрастов. Стихи, сценки, песни разных времён звучали в битком набитой комнате:

*На галёрке мы сидели ой-ёй-ёй,
Лаптем барышню задели фу-ты грех какой!
Весело было нам упалирам
Всё делили пополам. Правда? Ну да!*

Позже в 1960 годы у Степана, который был взят в зятя из другой деревни, появился телевизор, и многие потянулись к нему в гости на голубой огонёк. Сидели на лавках и на полу, замороженные и объединённые общими чувствами. Всем запомнился и понравился фильм «Сказание о земле Сибирской». Фильмы показывали и в Каринке. В послевоенное время во многих городах и посёлках прямо на улице, в парке натягивали белое полотно – и начинались чудеса. Общеколхозных праздников после войны уже не было. Может быть потому, что деревня стала женской

по преимуществу, да и не хотелось, чтобы приходило в голову сравнение с прошлым, довоенным бытом. Хотелось изменить, украсить свой быт: многие активно вышивали, шили, мастерили.

Родители хотели, чтобы дети не повторяли их судьбу, а учились и в городе искали другую работу. Сельских учителей уважали и вспоминали всю жизнь, но себя, особенно после полётов наших космонавтов, видели уже в каком-то другом свете. Матери наставляли: «Смотри не вздумай обратно в колхоз вернуться», а агитация в это время шла большая. На свинарник нужны были люди, требовались доярки, пастухи...

Но если откровенно, то всё-таки сельчане были бесправными людьми, собранными в коллектив. Все были без паспорта. Даже свидетельства о рождении были не у всех. А без документов дороги в большой мир не было. К тому же все произведённые ими продукты отбирались. Но, работая очень много, никто не задумывался о своём положении.

КНИЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Соседнее село Каринское, или просто Каринка, вплоть до революции и даже после неё влекло к себе людей, склонных к религии и книжной культуре. К примеру, **Михаил Андреевич Кулибин** (дед Мишка по-деревенски) жил в Кулибинцах, но регулярно ходил в Каринку «подпитываться» духовным, божественным. Скромный, сухощавый, свой деревенский интеллигент. Сто с лишним лет назад большой знаток русской деревни Глеб Успенский писал, что интеллигенция – это свет, который может светить и в курной избе. По мнению писателя, везде были свои интеллигентные люди, добивавшиеся тех же целей просвещения, облагораживания и гармонизации общества. Это грамотные люди, чтецы священных книг, равнодушные к

внешнему: одна и та же одежда, скромный и аскетичный быт. Они не испытывали желания что-то резко изменить во внешнем устройстве. Были равнодушны и к крестьянскому труду. Но эти книгочеи со своей библиотекой постоянно и медленно делали большое дело.

Михаил Андреевич Кулибин был именно таким интеллигентом в Кулибинцах во вторую половину своей жизни. Он родился в 1868 году и прожил 70 лет до 1938 года. Потерял сына Андрея в мировую войну 1914 года. Односельчане, находившиеся с Андреем в одном окопе, вспоминали потом, что новобранец просто выглянул любопытствовать, оглядеться и тут же был сражён пулей вражеского снайпера.

В Кулибинцах осталась его молодая жена Анастасия Кирилловна (Настасья) с маленьким сыном Васей. В конце века, когда ей было уже за 80 лет, она всегда плакала, вспоминая о «баском и ласковом» Андрее, жизнь которого оборвалась так нелепо. Отголоски далёкой первой мировой войны прошли через весь XX век, болью отдаваясь в сердце женщины.

А ведь была у них новая пятистенная изба. «Что, плохо живём?» – спрашивал Андрей. Всё доставалось своим трудом. Ночь, ярко светит луна, а семья жнёт вручную, торопится хлеб убрать. Потом шесть возов в город свозили, а вырученные деньги складывали в чулок. После революции ими стены оклеили. Вспоминала Настасья и скандального дореволюционного Гришу-мироеда, который заставлял других работать, а сам золото копил. Он ругался, дрался и бил посуду, а бабушка в это время молилась.

Михаила Андреевича Кулибина все в деревне называли «дедом Мишкой». Нрав у него был добрый, тихий и спокойный. Дед Мишка после смерти сына продолжал жить с невесткой и внуком, прозванным в деревне Вася Мишкин, так как с дедом он был неразлучен. Позже дед

Мишка охотно нянчил своих правнуков. Всю жизнь он носил одну и ту же одежду. Окружающим запомнился его суконный озям, типа шинели, который даже после его ухода дети, спавшие на полатах, использовали в качестве одеяла. Деда Мишку считали почти святым. В памяти сохранилась история о том, что во время пожара в деревне 1934 года дед взял икону и обошёл с ней вокруг избы. Ветер изменил направление, и изба была спасена.

ДЕРЕВЕНСКИЙ КУЗНЕЦ

Внук Михаила Андреевича звался **Василий Андреевич Кулибин**. Он был красив: прямой нос, серые глаза, русые волосы, высокий, красивые руки, которые буквально всё умели делать. А также фронтовик, отец пятерых детей, отличный кузнец, патриот своей деревни, не желающий с ней расставаться. Жена у него была домовитая, хозяйственная и красивая. Но после войны Василий Андреевич оказался первым парнем на деревне. Не осталось мужчин. Тут и начались всякие соблазны. При этом ещё на жену нападали завистливые вдовы так, что мамаше Настасье, матери мужа, приходилось её постоянно защищать от толпы.

Тут появилась Надя. Она была женой Ивана Владимировича Сулова, который болел туберкулёзом. Детей им бог не послал. Повадилась эта Надя постоянно полоскать бельё в колоде с родниковой водой, что близ кузницы. Так и подружилась она с кузнецом. Слухи пошли по деревне. Начался разлад в семье. Василий Андреевич часто приходил домой пьяный. Жена выговаривала ему свои обиды. Василий Андреевич, ничего не говоря, сбрасывал со стола крынки с молоком, чашки, швейную машинку и т.д. Дети с мамой в страхе убегали к бабушке Настасье. Дедушка шёл успокаивать главу семейства.

Всё так бы и шло, но перед праздником жена кузне-

ца устроила генеральную уборку. Мылись стены, потолок, все углы. Между брёвнами за мхом обнаружилась старая записка от Нади, в которой она предлагала кузнецу отравить жену и четверых детей. Но видимо, у Василия Андреевича не поднялась рука на своё семейство. Был товарищеский суд над этой преступной Надей, которую изгнали из деревни.

НАСТОЯЩИЙ ГЕРОЙ

В начале 1920-х годов в доме деда Мишки появился молодой хозяин – муж его невестки. Это был **Дмитрий Бармин**, родившийся 20 сентября 1902 года в селе Вандыши. Отца его звали Филиппом, а мать – Наталией. Видно, крепко любил Дмитрий Филиппович, оставшийся на 12 году без родителей, свою рано умершую от испанки мать, так как свою дочь потом тоже назвал Наталией. Позже строители наткнулись на могилу Наталии Ивановны и сообщили уже выросшим детям (сиротами остались две девочки и мальчик), что у их покойной матери, которой не было и сорока лет, даже все зубы были целы. Дмитрий остался с младшими сёстрами Катей и Шурой. Их семья была необычной: она состояла из одних детей. Жили вместе, но очень бедно. В 18 лет Дмитрий пошёл работать на сплав, а сестёр взяли чужие люди.

24 января 1922 года девятнадцатилетний Дмитрий Филиппович Бармин вступил в брак с 28-летней вдовой Анастасией Кирилловной Кулибиной (Субботиной), потерявшей мужа в Первую мировую войну. У неё был свой дом, где она жила со свёкром и сыном. Их брак можно считать удачным. Молодой муж, скромный, трудолюбивый, с чувством юмора, полюбил жену, которая была старше его почти на 10 лет. Правда, Настасья была и хороша собой, и аккуратна, и проворна во всех делах, но ревновала «Митрия» к «товаркам» и очень им дорожила. Они прожили

вместе почти полвека и сохранили тёплое чувство друг к другу до конца.

Сестёр Катю и Шуру, по обычаю того времени, взяли «в дети» в большую семью. В огромной ватаге ребятни (в каждой деревенской семье в предвоенные годы было от четырёх и более детей) прибавление лишних «ртов» было почти незаметно. Позже обе сестры вышли замуж: Катя – в Кирове, а Шура – в Москве. Судьбы их оказались сходными: мужья погибли на войне и пришлось вдовам в одиночку растить сыновей.

Поначалу Дмитрий Бармин, занявшись хозяйством, пытался советоваться с дедом Мишкой. Но на сокровенный для каждого крестьянина вопрос о том, когда будем пахать, получил ответ: «Смотри на соседа Миколу» (речь шла о Николае Семёновиче Сулове). Тогда стало понятно, что всё придётся решать и делать самому. Дед не вникал в хозяйственные дела и тихо скончался в 1938 году. Его похоронили близ его любимой церкви в селе Каринка. Он и многие другие в деревне не отказались от веры в советские времена, а тайком осуществляли свою религиозную жизнь: молились, крестились, венчались и отпевали покойников. По деревням ходили люди, знавшие обряды и молитвы и предлагавшие за небольшую плату продуктами весь набор соответствующих услуг.

С началом коллективизации начались тайные собрания бедноты, на которых решали, кого надо раскулачить. Основания для раскулачивания были следующие. Во-первых, наличие в большой семье двух лошадей, во-вторых, наличие молотилки, сеялки, веялки и других механизмов. Самыми богатыми оказались мельники и кузнецы, но этого было мало, а план по раскулачиванию надо было выполнять.

Так случилось, что тихий, приветливый, беззлобный Дмитрий Филиппович был задет коллективизацией, так

как у него была куплена молотилка, за которую его и раскулачили. Потом ему пришлось долго с помощью бумаг доказывать, что он не кулак, а сирота. Бедняки и сироты были тогда в чести. Мужики в 1930-х годах часто собирались и толковали, что покойный Ленин не позволил бы так обижать крестьян. Больше, видно, не на кого было надеяться.

В первой половине XX века в Кулибинцах появилась маслобойка. Это было памятное событие. Дмитрия Филипповича Бармина сельское начальство отвезло в деревню, где уже действовало это приспособление, и предложило соорудить нечто похожее в собственной деревне. Без чертежей и особых инструментов поработал топором Дмитрий Филиппович и соорудил маслобойку. Он оказался своеобразным, местным Кулибиным. Так в общей жизни раскрывались и были востребованы таланты и способности многих деревенских жителей, а слух об их делах сохранялся в памяти людей.

Всё, что создавал Дмитрий Филиппович, не ценилось им высоко: «Подумаешь, не такое ещё люди делают». А был он самым настоящим героем. Прошёл всю войну связистом. Освобождал Варшаву, был в Берлине. Вернулся с массой орденов и медалей, которые через много лет любители рассматривать внуки и правнуки, особенно потрясённые медалью «За отвагу»: «Вот это дед!». В зиму 1944 года Дмитрию Филипповичу было особенно тяжело на фронте: он постоянно «тянул катушку и не видал хаты». На вопрос: «Где же ты ночевал на войне?», обычно отвечал: «Ямку себе вырою в земле и прикорну».

Ничего трофейного из Германии он не привёз: не посмел взять чужое. Не было в нём наглости, как он сам говорил. Однажды решились и пошли с другом, но кончилось тем, что с немками о детишках поговорили, и после этого стыдно стало что-то брать. Такие вот изначально со-

вестливые люди, для которых честь и порядочность – не пустые звуки. Их было немало в русской деревне, где в те годы отсутствовали замки на дверях. Ими держится любая страна. По словам фронтовиков, наглые тогда тащили всё подряд, часто убивая друг друга за часы и прочую мелочь.

Зоя Васильевна Кулибина рассказывала: «Я помню возвращение деда Дмитрия с войны домой. Это было 6 августа 1945 года. Мне было тогда 11 лет. День был летний, солнечный. Я прибежала к бабушке, а она плачет. Говорит, что дед приехал. Вижу в новой избе дедушку и его товарищей, которые тоже едут с фронта домой, но в другую деревню. Деду было тогда 43 года. Приехали они всей компанией на телеге. Подвыпившие, возбуждённые, весёлые люди в военной форме размешивали сахарный песок с водой и пили. Меня удивил сахарный песок, которого я раньше не видела. Думаю, почему бабушка плачет – радоваться надо.

А дело в том, что в эту ночь ночевал в избе наш родственник Иван Павлович Кулибин, довольно пожилой мужчина. Он приходил из совхоза в деревню да запоздал и попросился к родне ночевать. А тут дедушка вернулся и вроде бы неудобно получилось. Мы бабушку успокаивали как могли. Старик быстро ушёл в свой совхоз, а дед не придавал никакого значения бабушкиному расстройству. Мало ли кто может что-то подумать! Время было тяжёлое, голодное и всем хотелось как-то выжить, миновать невзгоды. Пока дед был на фронте, сколько горя бабушка пережила, сколько работы перелопатила, а годы брали своё, ей уже в то время было 53 года. Она часто мучилась животом от надсады».

С приходом Дмитрия Филипповича с войны хозяйство стало поправляться, он всегда что-то мастерил, строил, работал в колхозе. Дмитрия Филипповича внуки очень любили. Был он по натуре своей добрый, лёгкий, весёлый,

любил пошутить. Любил работать, сидеть без дела было не в его характере. В колхозе он плотничал, был занят на строительстве скотных дворов. Любил как родного своего подросшего пасынка Васю. Помогал ему строить новую избу, когда «старина» совсем стала разваливаться. А ещё он любил смотреть всходы и не мог скрыть своей радости при виде молодых, нежно-зелёных побегов. Об этой его страсти знала вся деревня. Когда-то именно за этим своим занятием он обнаружил, что загорелась в 1934 году баня у соседа Миколы.

В 1950-е годы в стране началось новое бедствие: укрупнение и уничтожение мелких поселений. Вместо того, чтобы заниматься дорогами и коммуникациями, повышать урожайность земель и обустраивать существующие уже 400 лет деревни, решили одним махом разделаться с небольшими деревнями, объявив их «неперспективными». Огромные деньги пошли, видимо, на неудачный проект освоения целинных и залежных земель. Фантастические планы с их невероятным взлётом и, чаще всего, позорным падением – это бич России XX века.

Деревня Кулибинцы была обречена, как и десятки тысяч других таких же «неперспективных» деревень. В это время к Дмитрию Филипповичу приехала внучка, которая не могла достать черёмуху с высокого дерева. Дед схватил топор и со словами «всё равно нам здесь не жить» срубил полное жизненных сил дерево. Столько было отчаяния, безнадежности и тоски в этом действии, что ребёнок запомнил его на всю жизнь. На войне дед так мечтал о тишине, о своём родном уголке, он выжил и отстоял это право, но перед бюрократическим монстром оказался бессильным.

Исподтишка нагнала Дмитрия Филипповича тяжёлая болезнь. Она конечно же была во многом следствием фронтовых тягот. Он заболел туберкулёзом. Стал надолго

уезжать на лечение в больницы и санатории, опять всё хозяйство легло на женские плечи. Дети уже устроились, разъехались, Дмитрий Филиппович то приедет поживёт немного, то снова уедет на лечение. А Настасья Кирилловна хозяйство не бросала, всё делала сама: за коровой ухаживала, поросят держала, кур. Да и в колхозе была свиначкой. И только тогда, когда в деревне уже совсем не оставалось жителей, решились старики перебраться в Киров к сыну Лёне.

Лечение дедушке не шло. Он прощался с родными. Приезжал и к любимой дочке Наталье, чтобы в последний раз глянуть на внуков. Сидел в своих валенках, постоянно покашливая, и жадно, неотрывно следил за молодым поколением. А когда его спрашивали, боится ли он близкой смерти, то Дмитрий Филиппович спокойно отвечал, что не такие ещё люди умирали. В больницах, куда его периодически укладывали, он не лежал без дела. С помощью открыток, иллюстрирующих русские народные сказки, он мастерил чудесные шкатулки и дарил эту сказку родственникам. Дмитрий Филиппович таял на глазах и умер в городе Кирове, где и был похоронен через 20 лет после своей Победы.

ПАТРИОТКА ДЕРЕВНИ

Анастасия Кирилловна Бармина (1892-1982) родилась 31 декабря в селе Шелыги Просницкого района. Рано осталась сиротой и воспитывалась чужими людьми. Жизнь была не сладкой, не хватало заботы, внимания и ласки. Отец умер в 30 лет от воспаления лёгких, а позже испанка унесла и мать. Своя фамилия Настасьи – Субботина, по первому мужу – Кулибина, а потом Бармина. Окончила церковно-приходскую школу, училась три зимы. По тем временам считалась грамотной, так как умела читать, писать и считать. В 17 лет вышла замуж за человека, которо-

го любила. Попала в большую семью из 14 человек: «Было четыре лошади, шесть коров – такое скотоводство, настоящая ферма». Тут бы и пожить с любящим и ласковым мужем, но не судьба. Хотя Андрей Кулибин был единственный сын у отца, его всё равно в Первую мировую войну забрали в армию и убили. Так и осталась Настасья с годовалым сыном Васей и со свёкром.

Была она сухонькой маленькой женщиной, редко болевшей, закалённой с юных лет. Бегала быстро, немного прихрамывая. Негустые волосы собраны в пучок, белый платок на голове. Нос с небольшой горбинкой, пальцы с трудом сгибаются от холода и постоянной работы. Женщина она была особенная: смелая, волевая и мужественная. Домик её ухожен, опрятен: до желтизны промыта каждая половица, половики яркие и чистые. В доме две комнаты. В одной половину занимает русская печь, из которой что-то постоянно вынимается ухватом. Во второй комнате стоят у стенок две кровати, покрытые ватными одеялами, сшитыми из ярких лоскутов. В доме особый, лёгкий и душистый воздух от развешенных повсюду пучков травы, которыми Настасья лечила всю семью, да и всю деревню.

Была в этой женщине какая-то загадка, что-то таинственное, колдовское и завораживающее. Доброжелательность, сильная энергетика и страстное жизнелюбие сделали её народной целительницей. Тянулись к ней соседи со своими бедами-несчастьями. У одного младенец плачет постоянно, и Настасья кладёт его себе на колени и совершает над ним какие-то успокаивающие магические поглаживания («надо мерить»). Другому требовалась травка от живота. Цикорий с голубыми цветками оказывался к месту. Трудно представить, что Настасья кому-то отказала, не помогла. Простудные и желудочные болячки в тот период преобладали: бронхиты, воспаления, дизентерии и т.д.

Её внучка вспоминает: «Бабушка Настасья – сноха

деда Мишки и жена его сына Андрея, осталась очень рано вдовой с ребенком на руках, моим папой. Я помню ее как свою единственную бабушку, очень доброй, работающей и много знающей, она закончила церковно-приходскую школу и по тем временам считалась грамотной, она и папу воспитала грамотным. Ведь папа был не только отличным кузнецом, он долгое время совмещал эту работу с работой счетовода в колхозе. Бабушка могла полечить окружающих травами, у неё был такой камень «кровик», состоящий из двух тёмных частей. Она потрет одну часть о другую над молоком и получаются красные разводы на молоке. Потом даст всё это выпить. Я не знаю, что это за камень, но от синяков, ударов при падении и от разных ушибов хорошо помогало. Бабушка также шила одежду и платья внучкам, делала красивые хохольники (коврики из различных лоскутов), выпекала вкусный хлеб».

Следует сказать, что в деревне были и другие женщины, которые лечили заговорами. Например, мать Маши, ее звали Токмашкой, или Егорихой. Настоящего её имени и фамилии никто не помнит. Она заговаривала топленое масло в баночке и лечила им лицо, на котором высыпали водянистые пузыри или какие-нибудь другие болячки. Много было в деревне замечательных женщин, каждая имела свой талант. Екатерина Павлиха была женщиной среднего роста с круглым, пухлым в морщинках лицом, всегда повязана ее голова в темный платок. Звали ее за глаза колдуньей. Она действительно была знахаркой, исцеляла некоторые болезни, лечила заговорами. При всём том она была доброй и приветливой бабушкой, характер которой соответствовал консервативному, спокойному и домовитому характеру деревни.

Но вернёмся к Настасье. Среди односельчан она была авторитетна и любима. Когда после войны измученные тяжёлой жизнью и одиночеством женщины нападали на

тех, кто дождался мужа с фронта, то она всеми силами защищала этих гонимых миром счастливиц. Действительно, после войны деревни стали женскими. Несколько больных фронтовиков, продолжавших ещё двигаться, погоды не делали. В это время оставшиеся мужчины становились многожёнцами поневоле, заводя себе «сударушек». Бывало, едет такая подруга по деревне, лихо стоя на телеге, и машет рукой своему любимому, выглядывающему из окна. Можно представить, что творилось в это время в душе законной жены. К тому же дети видели всё происходящее.

Гордая и самостоятельная Настасья любила свой незатейливый мирок, была к нему страстно привязана. Позже, доживая свой век у дочери на пятом этаже городской квартиры, она с тоской смотрела на частные домики. Однажды не доглядели: бабушка вышла из комнат и побежала к домам, напоминавшим ей прежнее деревенское жильё, на месте которого после укрупнения и ликвидации «неперспективных» сёл осталось чистое поле. Потом вернулась, но потрясение было так сильно, что её парализовало, и вскоре она скончалась.

Внучка так писала об Анастасии Кирилловне, нежное чувство к которой она пронесла через всю жизнь: «Тихими тёплыми ночами, когда звёзды на небе как горошины, ко мне приходит моя бабушка. Крепенькая, весёлая, заботливая, бесконечно любящая. И я благодарю её за то, что она со мной, что своим появлением она вернула мне детство. А потом, просыпаясь в сладких слезах и медленно осознавая, что бабушка — я сама, не хочу верить, что она — всего лишь порождение моего мозга, таинственных глубин подсознания. Кажется, что из какого-то своего далека бабушка посылает мне весточку, по-прежнему беспокоится обо мне, любит, жалеет... А иначе что вся наша жизнь и зачем она?!».

ЖЕНЩИНА-БОГАТЫРША

Наталья Дмитриевна Бармина (1923-2016) с удовольствием училась в школе. Память была хорошая и до седьмого класса она была «на похвальбе». В школу ходили большой компанией. По дороге останавливались, садились под дерево и пели песни. Весёлое было время до войны! Впервые в истории деревни девушка окончила десять классов. Мать Натальи проучилась три зимы и считалась грамотным человеком. А после семи классов девушка раньше считалась уже учительницей. Но для многих женщин это была недостижимая мечта, так как приходилось рожать каждый год и работать каждый день иногда по 18 часов. После десятилетки Наташе хотелось получить высшее образование, но родители посчитали, что оно пока ни к чему. Шла война. Работа в районном финансовом отделе в какой-то мере удовлетворила тягу девушки к цифрам, бухгалтерскому делу. Домой приходилось идти пешком через лес. Наталья Дмитриевна вспоминала о встрече с медведицей, резвившейся со своими медвежатами. Что делали сельские жители в такой ситуации? Отходили в сторону, пережидали, чтобы не дразнить зверя. А дома ждала несжатая полоса. При свете луны приходилось трудиться ночами на личном участке, чтобы не пропал ни один колосок. Наталье Дмитриевне был интересен любой человек, его проблемы, заботы по-настоящему волновали её. Работа с людьми казалась ей чуть ли не счастьем. Современному городскому жителю, делящему иногда людей на «полезняк» и нечто среднее, странно подобное отношение к человечеству. Порядочность, ответственность и трудолюбие отличали многих деревенских женщин. Наталью Дмитриевну тоже.

Физическая работа на свежем воздухе, приносящая конкретную пользу, была ключом к здоровью. А силой женщина-селянка не была обделена. В трудные годы во-

йны Наталия таскала и грузила кули по 60 кг, так как девушки были в тот период основной рабочей силой. Силой она могла померяться с мужчинами. «Культ» физической работы на селе приводил к тому, что всё связанное с книгами, духовной культурой несколько игнорировалось, но жила потребность в живом общении с интересными людьми. Жила тяга к духовному в устной форме, к живой жизни, а не к мёртвой книге. Именно в физической работе ей хотелось быть первой, переделать как можно больше дел, чтобы получить внутреннее удовлетворение. Но обижала низкая оценка «малоквалифицированного» труда, который был жизненно необходим крестьянину в течение столетий.

Наталия Дмитриевна прожила долгую жизнь, наполненную трудом и редкими минутами радости и скончалась в 93 года. Много долгожителей было в деревне Кулибинцы. Я не сомневаюсь, что если бы каждый имел возможность жить в домике с окнами в сад в конце жизни, то 100-летний рубеж был бы многими превышен. Ведь кулибинцы одевались в одежду из льна (носили пестряки в клетку), удобряли землю только навозом, который на дворах не задерживался, пили родниковую воду и ели всё натуральное. Это куриное мясо, молоко, яйца, лук, квас, картофель, а вместо фруктов сомнительного происхождения и качества в дело шли горох, репа и рябина. Чем не секрет русского долголетия?

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Леонид Дмитриевич Бармин – сын Анастасии Кирилловны и Дмитрия Филипповича – родился слабым в 1930-е годы и много болел в детстве. Люди в деревнях страдали в то время от простудных и кишечных заболеваний. Мать была особенно привязана к такому ребёнку. К тому же Леонид был мягким, сострадательным, внима-

тельным к другим. Мало в нём было эгоизма, себялюбия, заботы о себе. Когда он позже работал водителем в городе, то всей автоколонной его уговаривали съездить отдохнуть в Болгарию по бесплатной путёвке. Водил он дружбу со стариками. Взглядов был строгих, патриархальных: женщины в брюках вызвали его осуждение.

В армии с ним случилась беда. Большая история переплелась с личной судьбой. Летом проходили военные учения с использованием атомного оружия. Новобранцам выдали комплект зимнего белья для «защиты» от излучения и поставили задачу пройти вперёд до эпицентра взрыва. Солдаты задачу успешно выполнили. Поскольку было жарко, то ещё и водички выпили из колодца, что был в самом эпицентре. После демобилизации все сослуживцы Леонида скончались от различных онкологических и лучевых заболеваний. Сам он тоже знал, что на долгую жизнь не следует рассчитывать. Но из жизни он ушёл по другой причине.

Отступая от нашего повествования, хотелось бы заметить, что американцы в 1940-е и последующие годы внимательно изучали последствия атомных взрывов и катастроф на примере чужих стран. Их гонцы появлялись всюду, где случилась беда, где излучение вырвалось на свободу. Много специалистов занималось лечением облучённых самими же американцами японцев. Своих же людей они стремились сбересть и, производя атомные взрывы, привязывали в научных целях животных на различных расстояниях от эпицентра. Кстати, Рузвельт относительно легко уговорил Сталина вести войну против Японии после разгрома Германии. Так вся Евразия от западных пределов до Дальнего Востока оказалась усыпана костями наших тихих, добрых, трудолюбивых и безответных мужчин...

Одним из них был Леонид. Понятно, что после печаль-

ной службы в армии своих детей у Леонида не могло быть, а маленьких он очень любил. Пришлось усыновить ребёнка из детского дома, который «признал» отца. Но несчастья преследовали Леонида, шли за ним по пятам. Как-то ему довелось подвести на машине женщину с ребёнком. За разговорами не уследили, что малыш залез под машину. Случайно был задавлен ребёнок. Суд виновного оправдал, но сам себя он не мог простить и вскоре скончался от сердечного приступа. Когда его хоронили, то колонна машин ехала рядом, подавая сигналы. Эти нехитрые почести товарищей по работе пролили бальзам на сердце старой его матери, потерявшей к тому времени первого и второго мужа и двух своих сыновей.

В селении у каждого жителя были свои таланты и каждый был нужен и востребован не просто как работник, участник общего сельского труда, но и как кузнец, лекарь, рассказчик, музыкант, писарь и т.д. Традиционно крестьяне активно занимались ремёслами. В XIX веке в данной местности существовали скорняки, портные, чеботари, плотники, извозчики, кузнецы, печники, горшечники, рыбаки, пчеловоды. А также действовали заводы кирпичные, кожевенные, винокуренные, пивоваренные. Были построены мельницы и маслобойки. В советский период количество ремесленников значительно сократилось по разным причинам, но потребность в умельцах всякого рода не уменьшилась.

ИВАН ПАЛИШЕВ И ЕГО СЕМЬЯ

Были в деревне Кулибинцы свои певцы, танцоры и сказители. Были также кузнецы, портные, врачеватели. При этом каждый участвовал в общем деле и вёл своё хозяйство. Умельцев, мастеров своего дела знала вся округа. До войны жил в деревне свой портной, хорошо известный всей округе. Это **Иван Иванович Палишев**. Он родился

в 1902 году в деревне Плачёны, в 18 лет женился и поселился в деревне Кулибинцы. Прославился в околотке как мастер верхней одежды. Зимними днями он шил тулупы и шубы, пользовавшиеся большим спросом у населения.

Особым авторитетом у отца традиционно пользовался старший сын. С ним хозяин советовался, его приглашал резать скот. Крестьяне старались спокойно относиться к этой неприятной обязанности, но женщины не могли сдерживать слёз, теряя своих питомцев, к которым они успели привязаться за долгие месяцы. Когда однажды отец попросил сына помочь зарезать телёнка, то сын не смог этого сделать и попросил отца сохранить животному жизнь, радуясь потом: «Славная вышла коровка».

Детей Иван Иванович любил, но особо отличал младшенькую, величая её «Маруся Ивановна». В праздники он любил по-русски рвать рубаху на груди, чтобы на следующий день её самому зашить.

В июле 1941 года в армию ушёл старший сын Ивана Ивановича. Его же Вожгальский райвоенкомат Кировской области призвал 2 сентября 1941 года. У Ивана Ивановича было два класса образования и его, практически необученного и почти безоружного (оружие надо было добыть в бою), сразу отправили на фронт в «пехоту-матушку», под огонь противника. Поздней осенью и зимой 1941 года надо было любой ценой остановить врага и отстоять столицу. Немцы потом вспоминали, что танки давили человеческие тела и застревали в них, но русские не сдавались.

Последнее короткое письмо от Ивана Ивановича пришло из-под Можайска, расположенного в 100 км от Москвы. Оно было написано перед боем. А в декабре 1941 года пришла похоронка. Младший брат Ивана Ивановича Фёдор из деревни Плачёны 16 апреля 1942 года скончался от ран и был похоронен в Ленинградской области.

Брат Кузьма погиб в ноябре 1941 года. Выжила только младшая сестра Юля. Она вышла замуж в Екатеринбург и стала основательницей многочисленной семьи.

Жена Ивана Ивановича Анисья Васильевна Дресвянникова слыла красавицей и была на два года старше мужа. У неё было четыре сестры: Авдотья, Акулина, Анастасия и Варвара. У всех по-разному сложилась жизнь, но прожили они все долго. Муж Анисьи Васильевны был объявлен «пропавшим без вести», что означало отсутствие помощи от государства, от колхоза и суровую, голодную жизнь с четырьмя детьми, которые хлебнули горя в военную и послевоенную годину.

Семья Ивана Ивановича Палишева была большая. Родилось девять детей, а выжило только пять: два мальчика и три девочки. Не выжили двойняшки, которые слабее обычных детей. Последний сын Валентин родился перед самой войной. Вдова Ивана Ивановича, Анисья Васильевна, вынуждена была отдать старшую дочь Антонину на обучение поварскому делу. ФЗО было шестимесячной школой обучения рабочей профессии для деревенской молодёжи 16-18 лет, которая поступала на полное государственное обеспечение, становилась казённокоштной, говоря языком XIX века.

Зачастую полученной таким образом ходовой, востребованной профессии люди оставались верны всю жизнь. Желание продолжать образование дальше возникало не так уж часто. Фабрично-заводское ускоренное обучение существовало в нашей стране с 1940-х до начала 1960-х годов. Миллионы молодых людей получили возможность обеспечивать себя материально и жить в городе. Но всё-таки прощание с семьёй и деревней проходило очень болезненно. Ребёнок не по своей воле становился «отрезанным ломтем», вынужден был самостоятельно выстраивать линию жизни, которая далеко не всегда была прямой.

А дома как всегда старшие дети заботились о младших. И когда «няньки» уходили на учёбу, малыши были предоставлены сами себе, так как всё взрослое население работало с утра и до вечера. Помогали по дому старички, но и они чаще всего были задействованы в колхозе на лёгких работах.

В военное время основной рабочей силой были молодые девушки и женщины. Они грузили мешки с зерном весом до 60 кг, перемещая огромные тяжести. Потом иностранцев удивляло то, что наши сельчанки могли как пушинку поднять два полных ведра воды. Действительно, принести воды из колодца – разве это серьёзная работа для тех, кто вынес всю тяжесть работы в тылу. Не всегда эта тяжёлая работа оставалась без последствий для женского организма. Впрочем, в военные годы никто об этом не думал.

СВОЙ ПОЛКОВНИК

Старший сын Ивана Ивановича **Михаил Иванович Палишев** родился 19 ноября 1923 года. Обучался в средней школе села Вожгалы. 15 июля 1941 года получил аттестат о среднем образовании и тут же был призван в армию. С июля 1941 года он курсант военно-авиационной школы пилотов. Михаила Ивановича взяли в армию вместе с соседом Яковом Суловым. На совместное провожание пришли и приехали более 80 человек. Купили ящик рябиновой настойки, спали вповалку на полу, а утром в 8 часов всей компанией провожали новобранцев. Собралась вся деревня, и с каждым будущие воины прощались за руку, выслушивая пожелания. На лошади новобранцев повезли к железнодорожной станции Просница, где они в первый раз сели в вагон. С собой каждый взял фанерный чемоданчик с караваем и сухарями, которые так и не понадобились. Вскоре у чемодана с хлебом оторвалась ручка и его пришлось отослать назад в деревню.

Новобранцев отправили в Свердловск, где они в течение трёх дней проходили тщательную проверку. Долго парились в бане и опоздали к раздаче одежды, которой явно не хватало. Им выдали оставшееся старое обмундирование большого размера и огромные сапоги. С трудом удалось в таком виде добраться до казармы, а потом пришлось добывать одежду нужного размера. Трудно было и с оружием. У Яши Сулова не было 10 классов, и поэтому он оказался в пехотном училище комвзвода, служил в разведке и погиб в бою в 1944 году: пуля попала в лоб навылет.

Михаил Палишев после ускоренного курса в лётном училище (месяц – теория, потом – практика) стал механиком по вооружению и приборам самолёта. Приходилось спать вповалку в ящиках из-под самолётов даже в жестокие морозы, которыми отличались годы войны. Утром умывались снегом. В декабре щеголяли в пилотках, так как не было шапок. Поезда ходили медленно: из Троицка, где Михаил учился, в Москву добирались 15 суток. По дороге готовили манную кашу на воде и пили кипяток.

Работа механика была нелёгкая: нужно было постоянно днём и ночью обслуживать прилетающие самолёты. Они менялись буквально через несколько месяцев. Появлялись наши и английские, которые было удобнее заправлять боеприпасами. На самолётах рисовали звёзды за сбитые машины врага. На слуху были имена Покрышкина и Кожедуба, совместно уничтоживших целый полк фашистов. Но смертность лётчиков была очень высокой. Они погибали буквально в считанные дни. Выживали единицы. Отзвуки военных лет – в популярных тогда присказках: грудь в крестах или голова в кустах, помирать – так с музыкой и т.д. С апреля 1943 года Михаил Иванович служил на Северо-Западном фронте механиком по авиавооружению.

Кормили утром кашей, днём супом из тушёнки, вечером винегретом. Лётчикам ещё выдавали шоколад. На всю жизнь механикам запомнилась тяжесть бомб под сто килограммов, которые надо было прицеплять к самолётам. Пришлось побывать в Троицке, Ярославле, Смоленске, Полоцке. Когда из Троицка попали на перераспределение в Москву, то сразу обратили внимание на аэростаты, поднимавшиеся над столицей на 5 километров, чтобы фашисты не могли бить прицельно.

Михаил Иванович дошёл до Белоруссии, находился 8 месяцев в действующей армии. Смоленск был тогда учебно-перелётной базой, на которой днём и ночью шли тренировки: стреляли в конусы. Отстрелянные гильзы у нас выбрасывались, а немцы их собирали. Враги врагами, а чему-то хорошему у них можно было поучиться. Под Смоленском потеряли тогда двух лётчиков. Был таран, и лётчик горел в самолёте как факел. Весь обожжённый, он радовался, что сбил гада. Позже ему дали орден Красного Знамени.

Михаил Палишев в 1951 году был откомандирован в Китай, там пришлось поднимать в небо китайских лётчиков. Шла война в Корее. У плохо питавшихся только рисом китайских парней в воздухе кружилась голова. Поэтому их пришлось перед полётами откармливать мясом. В двухгодичной командировке на северный остров Новая Земля Михаил Иванович стал свидетелем наземных испытаний ядерного оружия. Так история страны стала его судьбой. Михаил Иванович был любимым главой большого семейства. Он несколько месяцев не дожил до 90 лет и скончался в апреле 2013 года.

Поколение мужчин, рождённых в 1920-е годы, было выбито войной. Выжить удалось единицам. Деревня Кулибинцы потеряла на войне 12 человек. Это Корзунины: Иван Фёдорович, Филипп Фёдорович и Фёдор Дмитрие-

вич; Сусловы: Иван Егорович, Яков Владимирович, Алексей, Дмитрий и Александр Афанасьевичи (отец потерял всех своих сыновей); а также Иван Палишев, Андриян Дресвянников, Семён Завалин, и Степан Кулибин. Светлая им память и дай Бог, чтобы ужасы войны обошли нас стороной в этом веке.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ТАЛАНТЫ

Суслова Акулина Васильевна была женой Кузьмы Алексеевича, поэтому за глаза ее всегда называли Акулина Кузиха или просто Кузиха. Это была яркая личность в деревне, человек с талантом. Рослая, полная, круглолицая с редкими морщинками. В молодости она славилась своей красотой, но деревенским ребятам она была мила как замечательная рассказчица. Пятиклассников бригадир направлял обычно на работу вместе с женщинами, в основном солдатами. Мужья их на фронте, детей у них по 5-6 человек. Вот они и воспитывали всех на колхозных полях.

Бывало, пропалывали свеклу. До обеда два раза отдых по 10 минут. Женщины были строго пунктуальны – 10 минут и все. На таком коротком перерыве дети обычно приставали к Акулине: «Тётя Акулина, расскажи нам, как вас Степан Кулибин на черную доску посадил». Потом – тишина, и Акулина начинала свой сказ. Слова ее лились, как музыка, голос был приятный, смех тихий, какой-то хитроватый, серые глаза живые и подвижные очень ярко отражали все действия и поступки героев рассказа. Быть бы ей актрисой, но свое мастерство ей пришлось показывать только деревенским ребяташкам на колхозном поле, которые и переживали, и катались от смеха, и запомнили эти импровизированные концерты на всю жизнь. Акулина Кузиха мастерски владела мимикой и красиво играла голосом. Это была актриса от Бога.

Вот её рассказ о чёрной доске. Было это сразу после образования колхоза. Люди были настроены по-боевому. Решили организовать соцсоревнование между бригадой мужчин и женщин на жатве ржи. Бригада Степана Кулибина жала рожь на одном поле, а бригада женщин на другом поле. Поля были рядом. На стене конторы повесили доски: красная для передовиков-ударников, а черная для лентяев-лодырей. «Вот жнем мы первый день, – говорила Акулина, – стараемся, выжали по многу соток каждая». А мужики, видим, все время курят сидят и басни рассказывают. Вечером идем и видим – на черной доске бригада женщин, а на красной – бригада мужчин. Мы женщины, радуемся. Чему же? Мы спрашиваем Акулину. «А потому что Степан сказал нам, что черная доска для героев, а красная для лодырей». Мы же неграмотные, читать не умеем. Так мы первые выжали поле и всегда были на черной доске. Степан наши данные писал своей бригаде, а результаты мужской бригады приписывал женщинам. Кто приезжал из сельсовета и видел результаты на досках, благодарил мужчин, а на бригаду женщин падали шишки. Только потом женщины догадались, что мужчины над ними сыграли злую шутку».

Дарования каждого жителя деревни были в той или иной степени востребованы. Были свои лекари, артисты, певцы, портные, книжники и т.д., а в колхозе приходилось каждый день работать всем. Пенсия им была назначена крошечная – 28 рублей.

ПРАВЫ ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ КУЛИБИНЦЫ

В середине XX века в русской деревне сохранялись ещё традиции взаимопомощи, когда мужики всей округи, вооружившись топорами, могли за три дня выстроить новую избу для погорельцев. Топор за поясом – это и оружие,

и самая нужная вещь в хозяйстве. Если брали лошадь и телегу в колхозе, то не отказывались и от попутчиков. Семейные, фамильные связи в данных случаях не были определяющими. Обиды на нетоварищеские поступки жителей сохранялись иногда на всю жизнь и даже передавались по наследству. Всей деревней провожали призывников в армию и всей деревней оплакивали каждую похоронку в годы войны.

В Кулибинцах люди жили кустами, т.е. в родственных связях состояли многие семьи: там Сусловы, а там Корзунины и т.д. Между семьями была большая выручка. Суловы старались помочь в чем-то Суловым, Корзунины думали о Корзуниных и т.д. Если начиналась ссора кого-то с кем-то, то однофамильцы старались своих защитить. «Одиночкам» было туго, приходилось надеяться только на себя, так как у них не было родственников. Суловых и Кулибиных было много, а вот Палишевы и Бармины – редкие фамилии в Кулибинцах. К ним иногда и относились как к чужакам. К примеру, брали колхозную лошадь Суловы, чтобы отвезти на учёбу сына, и не думали пригласить Мишу Палишева, хотя ему надо было ехать туда же. Часто эти детские обиды до самой старости жили в душе человека, а «рознь фамилий» сохранялась в какой-то степени и в городской жизни.

Семьи были пёстрыми, объединяющими людей разных полов и возрастов. Но в них был свой порядок. Большак – это глава семьи, решающий серьёзные вопросы, ответственный за домочадцев. Большуха – главная хозяйка или старшая сноха, то есть невестка в чужом доме. Свояки – мужья сестёр. Золовка – сестра мужа, а деверь – брат мужа. Шурин – брат жены, а свояченица – сестра жены. Сваты – родители супругов.

Часто в семье жена рожала каждый год и быстро старела, заболела и умирала. Вдовец брал другую женщину,

но не каждой удавалось хорошо себя чувствовать в чужой и большой семье. По этой причине случались и самоубийства. Когда дети подрастали, то разбредались в разные стороны: «Дал отец 20 копеек. Я положил их в спичечный коробок и уехал на заработки, в неизвестность». Устраивались на лесоповал или на завод. Ездили на Урал, где находили работу в шахтах. Привозили оттуда удобные шахтёрские лампы, которые можно было использовать, чтобы спуститься в подпол или выйти ночью к скоту. Если появится молодняк, то в лютые морозы телят, козлят, ягнят приносили на радость детям в избу, где они отогревались и крепили. Так и жили все вместе.

Иногда семьи отделялись друг от друга. Отец стремился выстроить избу каждому сыну, а дочь в случае замужества со своим приданым в сундуке уходила в чужую семью. Но родственное общение не прекращалось. Дети особенно любили посещать другие дома, где их угощали чем-нибудь вкусным. В военные годы в целях экономии или по какой-то другой причине в одной избе находилось до 3-4 семей.

Детей родители почти не видели. Только кормящая мать прибежит, сбросит свою телогрейку, покормит малыша грудью и опять по делам. Дети под руководством более старших детей едят, играют, а потом укладываются спать на полати. Маленькие плачут, что мамы нет, и засыпают, а утром видят её уже уходящей. В военные годы отдавали всё: зерно, яйца, молоко, шерсть и ещё что-то приносили. Вязали носки, посылали кисеты и т.д.

Пелагея Григорьевна Кулибина в 1941 году, отголосив на проводах мужа, взялась за работу. Дома четверо детей, и поэтому ячмень, овёс, картофель на огороде нужно было тщательно собрать, а не пускать под снег. Этот ночами собираемый картофель позже обменяли на зерно. Дали целый центнер. И семье не пришлось, как многим в деревне,

есть хлеб из лебеды. На лесоповале для колхоза Пелагею Григорьевну спиленное дерево ударило вершиной по спине. Женщина не могла встать и просто приползла домой, отлежалась, но к врачам ехать отказалась, понимая, что без неё малые дети пропадут.

В деревне все на виду. Какие-то тайны хоть молодых, хоть старых, всегда становились явны. Если мы сейчас часами сидим у телевизора и не удосужимся порой посмотреть на улицу, то в деревне в каждую свободную минуту крестьянка смотрела в окно своей избы, получая нужную ей информацию. Ей надо увидеть, не идет ли бригадир, не выпускают ли скот на выпас и т.д. Вот кто-то пробежал по деревне. Куда это, за чем, что случилось? Вот идет не очень хозяйственная женщина в лес, а вторая смотрит и думает: «Куда ее леший понес, зачем это в такую пору она в лес идет?» И вот в таком духе друг за другом наблюдали, а потом появлялась догадка: «Аха! Она ходила за дровами, вовремя не заготовила дров, вот и ходит сейчас». Так что тайн в деревне почти не существовало. Если из колхозного амбара пропало несколько мешков зерна, а замок даже не трогали и дверь не открывали, то как же зерно пропало? А как пропало – знали все, знали и кто унес, знали, но молчали.

Как-то ребяташки, играли на площадке в прятки. Одна девочка увидела под бревнами житницы, где хранилось колхозное зерно, большой лаз, и свободно в него пролезла, оказавшись в пространстве между землей и полом амбара. От земли пол был довольно высоко расположен. Девочка увидела, что на земле насыпано зерно, а над зерном хорошая дырка в полу. Тогда она даже не подумала ни о чём крамольном: вроде так и надо. И только позднее, когда услышала от колхозников, что из амбара кто-то таскал зерно, то вспомнила ту дырку в полу амбара, но никому ничего не сказала.

Почему-то у малолеток не принято было вступать в разговор взрослых и вмешиваться в их жизнь. Но слушать им никто не запрещал. К примеру, старшие ребята из Кулибинцев говорили, что в Первую мировую войну некоторые мужики деревни дезертировали из армии и прятались в лесах на большой поляне и в тулапихе. Когда пришла революция, то они вернулись домой. Были свои, деревенские тайны, которые потом все равно раскрывались.

Рассказывают, что один житель деревни подстрелил лося, хотя этот зверь охранялся государством. Наварил, нажарил мяса да ещё пригласил начальство в гости. После этого получил соответствующее наказание. А другой житель написал в глухом лесу своё имя на дереве. Это кто-то увидел и рассказал всей округе, которая осудила желавшего выделиться таким образом. Каждый житель деревни жил под прицелом многих глаз и вряд ли кому хотелось оказаться в центре внимания: давно известно, что злые языки опасней пистолета.

В деревне все нестандартные поступки и слова воспринимались в штыки и тут же становились достоянием общественности. Истоки такого агрессивного консерватизма – в нравах животного мира. Собака спокойно смотрит на привычные проезжающие машины, но стоит появиться человеку на велосипеде – он тут же будет облаян и искусан, а странного белого альбиноса заклюют в стае птиц. Когда недавно в Америке соседская собака набросилась на малыша, катающегося на велосипеде, то она поступила в соответствии с «собачьей логикой»: велосипед не похож на привычную машину и поэтому на всякий случай должен быть облаян. Но американцы в собачью «логику» не вникли: вполне нормальное животное было убито.

Дурная репутация одного жителя деревни позорила всю фамилию. Стремление к унификации оставляло мало возможностей для собственной даже вполне безобидной

инициативы. Жёсткая регламентация жизни селянина в каком-то смысле сковывала развитие индивидуального начала, движение по наезженной колее часто освобождало от необходимости думать самостоятельно и нести ответственность за свои поступки.

В деревне очень быстро можно было получить прозвище. К примеру, Ивана Афанасьевича называли «Попалюхой» за то, что он любил поговорить, пошутить, выпалить что-нибудь. Григорий Архипович назван был «Козлом». Этот мужик был веселый, любил шутить, его любили женщины, может, за то и получил прозвище, что захаживал в чужой «огород». Были в деревне два сводных брата, которых прозвали «Гена Большой» и «Гена Маленький». Василия Андреевича Кулибина звали Вася Мишкин, так как воспитывал его дед Мишка. Если у внучки было две бабушки, то одну она называла «бабушка-старушка», а другую – «бабушка молодая».

Деревенские люди старались не попадать в какие-то смешные положения, не совершать поступков, обращающих на себя внимание, чтобы случайно не получить какого-либо прозвища. В Кулибинцах прозвищ было относительно мало. В других же деревнях прозвища были почти у каждого. Прозвища человеку давались очень метко, они соответствовали характеру этого человека, подсказывали окружающим, что от него можно ждать. От прозвища в данной местности практически невозможно было избавиться.

Религиозность деревенских жителей в советскую эпоху сохранялась, хотя церковь в Каринке приспособили для других целей и священнослужителей держали в заключении. Бывало, внучка-пионерка говорила бабушке, что никакого бога нет. Так ей говорили в школе. Бабушка обычно не спорила, но одна её фраза на всю жизнь могла остаться в памяти ребёнка: «А кто знает, есть бог или нет, я молюсь на всякий случай».

В Репняках жила глубоко верующая Елизавета Кузьмовна Корзунина. О ней вспоминала Зоя Кулибина: «Религиозное образование Елизавета получила в церковно-приходской школе, как и бабушка Настасья, которая тоже была глубоко верующим человеком. Елизавета знала очень много молитв. Почему я говорю о ней? Потому что мне часто приходилось быть рядом с Лизаветой на колхозной работе, и порой мне казалось, что я, шестиклассница, и Лизавета, престарелая дева (она никогда не была замужем), – подруги. Мы с ней говорили и спорили о многом. Я твердила, что бога нет, а она покорно его защищала. Когда спор кончался, то я понимала, что Лисуния победила, у нее были всевозможные аргументы и сама ее вера в бога, у меня же не было ничего. Я не верила ни во что, я не могла привести аргументы в защиту атеистов-коммунистов. Со смехом я покидала Лизавету, уходя домой со двора, где мы с ней весь день «резали редьку», т.е. резали солому на корм коровам. Лисуния была высокого роста, приятной наружности, но было у неё несчастье – слепота. Она очень плохо видела. Я знаю, что впоследствии она жила где-то в доме престарелых и там умерла в преклонных годах. Глубоко верующей была и её сестра Феклиния Кузьмовна».

Репняки верили в бога более истово, чем Кулибинцы, но это суждение поверхностное. В то время, когда церковь в селе Каринка была закрыта и превращена в глубинку – склад для хранения зерна, люди свою душу тоже спрятали глубоко и не всем ее раскрывали, хотя иконы были в каждом доме, и детей сельчане продолжали крестить. Если не находился настоящий батюшка, то ходило много нищих, выдававших себя за настоящих попов. Они и крестили новорожденных.

За годы войны в народе стала заметна и даже усилилась вера в бога. Провожали на войну мужиков с богом и ждали их домой ради бога. Василий Андреевич Кулибин,

уходя на фронт, положил по старой традиции в нагрудный карман маленький квадратный медный образок. Он выжил, вернулся, а медный образок спрятал в комод. Его дочь после смерти отца взяла образок себе, и когда стала его чистить, то обнаружила на нём небольшие пробоины от осколков.

При внимательном изучении особенностей русской деревни бросается в глаза та лёгкость, с которой её жители освоили городскую жизнь и стали в ней своими людьми, занимая далеко не последние места. Сообразительность, трудолюбие и порядочность многих из них этому способствовали. Кулибин Виктор Васильевич окончит станко-строительный институт и будет занимать достойное место на крупнейшем заводе в Ижевске. Корзунин Михаил Егорович окончит архитектурный институт, будет архитектором в Кирове. Палишев Михаил Иванович – полковник ПВО, а его сестра Мария Ивановна – главный бухгалтер на разных предприятиях. Суслов Сергей Иванович станет юристом, работающим прокурором в Москве, и т.д.

Подводя итоги, следует сказать, что деревня далеко не царство тьмы, дикости и невежества. Можно говорить об особой культуре провинции. Бесспорно, что это был свой мир с установившимся порядком, системой взаимоотношений человека, растений и животных, с тем хрупким ладом, который создается веками, но часто рушится в одночасье. Каждый крестьянин обладал нужными ему знаниями о природе, был мастером на все руки: умел плотничать, пахать, косить, сохранять урожай, доить коров и коз, изготавливать собственную одежду и мебель, строить дома и т.д. Он обеспечивал себя всем необходимым и при этом ещё ухитрялся кормить городских жителей. Крестьянин органично существовал в природном мире, бережно к нему относясь. К сожалению, городская жизнь разорвала эти гармоничные связи, многое дала, но и принесла массу общественных и личных потерь.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ДЕРЕВЕНСКАЯ ВЕЧЕРИНКА. ТВОРЧЕСТВО КУЛИБИНЦЕВ

К юго-востоку от Кирова находились деревни, которые практически исчезли с лица земли. Передо мной лежит старая, уже пожелтевшая карта аэрофотосъёмки 1960 года, на которой эти деревни ещё как бы живут. На севере расположены Мерзляки, южнее – Дымы, Репняки, Кулибинцы. Река Кордыга течёт куда-то на север, а за ней Лебедки, потом Суслиха. В западном направлении – деревня Беси (слово обозначает местность, непригодную для жилья по причине близости злого духа), Мокрецы (топкое, болотистое место), Солодилы (солодильный, становящийся сладким), Ходыри (быстрые ходоки). Были и Злыдни, Плачёны, Вандыши, Кабаново. К юго-западу от Кулибинцев – существующая до настоящего времени Каринка. Все эти названия деревень в Кулибинцах середины XX века были на слуху, а теперь от многих из них остались только эти давние и странные слова, постепенно стирающиеся в памяти.

В середине прошлого века парни и девчата из окрестных деревень собирались на общие гулянки. Но как узнать, где сегодня собирается молодёжь? Очень просто. Надо было лечь на землю и приложить к ней ухо. А потом

идти в ту сторону, где земля колеблется. Гуляли в разных деревнях. Летом после тяжёлой работы у молодых ещё хватало сил веселиться до поздней ночи.

Каждый стремился найти своего суженого. Кипели страсти не только любовные, но и ревность, зависть, антипатия тоже давали о себе знать. В этом водовороте возникали иногда достаточно прочные семьи, объединявшие молодых людей из разных деревень. «Чужие», не мелькающие постоянно перед глазами, как свои молодые люди, казались более привлекательными. Кулибинские девчата славились на всю округу. Мерзляки рождали бравых парней и к тому же гармонистов, перед которыми трудно было устоять. Так и сложилась семья Чураковых, где муж – из Мерзляков, а жена – Любовь Ивановна Палишева – из Кулибинцев.

Танцы назвались незатейливо – топотуха. Это когда все брались за руки и танцевали кто во что горазд. На танцы девушки приходили вдвоем. Так и стояли под руку. Приходил молодой человек, клал руку на плечо, приглашая девушку в круг. «Ты зачем меня ударил балалайкой по плечу? Я затем тебя ударил – познакомиться хочу». И начиналось что-то типа кадрили. В конце танца – обязательное рукопожатие. Ритуал строгий, ненарушимый. Сравните в дворянском обществе – поклоны и целование ручки дамы. Важно было в танцах научиться дробить. «Дроби, дроби. Мы отчаянные обе, посмотрю я на тебя: ты отчаянней меня».

Танцевали яблочко, краковяк, вальс, фокстрот. Гармонь – основной инструмент. Иногда был бубен. Где гармонист – там и веселье. Но гармонисту для вдохновения нужно было присутствие «музы», нравящейся ему девушки. Гармонист мог капризничать, выдвигать свои требования. Желаящие веселиться и знакомиться с этим вынуждены были считаться.

Однажды Маруся Палишева уже легла спать. Вдруг тишину нарушил отчаянный стук в дверь. На пороге стояли два молодца, примчавшиеся на лошади, запряжённой в телегу. Ничего не объясняя, они схватили сонную девушку в охапку и отвезли её на гулянку, где гармонист отказывался без неё играть.

В перерывах курили на свежем воздухе самосад – рубленный табак, а также обработанную промышленным методом махорку. (Крупную махорочную фабрику в городе Ельце Липецкой области держал в дореволюционные годы купец Заусайлов. На базе этого предприятия существовало потом советское производство). С вечерок расходились часа в три ночи. Уже светало. Парень провожал свою девушку. Стеснялись иногда рядом пройти, хотя активно «ухажорились». В конце вечеринки в рождество были так называемые «беседушки», когда парень вызывал девушку, чтобы посидеть и познакомиться.

Кулибинская молодёжь иногда собиралась на площадке у колхозных амбаров. Центрами общения деревенских жителей была кузница, мельница, где частенько приходилось ночевать, и место сбора молодых людей. Разговаривали, мечтали, влюблялись, находили себе пару, ссорились. Парень обычно предлагал понравившейся ему девушке проводить её до дома. «Проводи, если хочешь». Но стеснительность мешала девушке в сопровождении молодого человека появляться перед родным домом и родителями. Частенько, не говоря ни слова, девушка покидала своего кавалера и беззвучно влезала в дом через окно. Многие потом жаловались на то, что эта непреодолимая застенчивость их убивала, серьёзно затрудняла жизнь. Во многом она была следствием деревенской жизни под прицелом многих глаз.

Вечеринка заканчивалась с уходом игроков. Расходились парами, которые здесь и образовались. Важна была

одежда, говорящая о степени достатка. Плохо одетая девушка вряд ли могла найти себе жениха. Если не было парней, то девушки шли стайкой по ночному еловому и мрачному лесу. Брали с собой фонарики, которые не только освещали дорогу, но и отпугивали волков. С шутками и прибаутками «нелюбимые девки» обсуждали «форсистых» парней и всякие новости. Так и добирались до дома. Ушедшие парами приходили позже. Парень обязательно провожал девушку:

*Меня милый проводил,
Сел на изгородочку.
Долго-долго любовался
На мою походочку.*

После вечеринки шли бесконечные обсуждения и толкования, из домыслов рождались слухи. Не каждой девушке удавалось приручить «ягодину», видного парня. Поэтому те, кому повезло, радовались. Остальные завидовали. Но девушки не позволяли глупостей. Аборты тогда были запрещены. Родить без замужества считалось страшным позором. Нравы были строгие. Зато веселились от души.

ТАНЕЦ «ПРОХОЖАЯ»

Сейчас о «прохожей». Это, может быть, местный танец, а может, просто видоизмененная кадрили. Танец исполняли две девушки и два парня. Они вставали один против другого. Парень протягивал руку девушке, она подавала свою. Другой рукой парень обхватывал девушку за талию. Они кружились, потом девушка шла к другому парню, и все повторялось сначала, при этом исполнялись частушки в быстром ритме:

*Плясать пойду,
Головой тряхну –
Своими серыми глазами
Завлекать начну.*

Девушка и парень при переходах как бы прохаживались, и каждый напевал свою частушку. Может, поэтому и название «прохожая»:

*Ты прохожая, прохожая
Весёлая игра.
Заведём тебя прохожая
До самого утра.*

«Прохожую» плясали во всех деревнях, ближайших от Кулибинцев: Дымы, Мерзляки, Кокоры, Злыдни, Лебедки, Суслиха, в селе Каринка и т.д.

По религиозным праздникам (Ильин день, Троицын день) нарядные сельчане ходили на кладбище в Каринку, где поминали своих родственников. В поминальных корзинах – блины, пироги, шанешки. Поклонившись предкам, люди со всех окрестных деревень стекались в центр села, где стояла закрытая в то время белокаменная церковь. В конце 40-х и начале 50-х годов в селе Каринка на площади у церкви (она уже имела назначение склада) собиралась со всей округи молодёжь. Кроме молодёжи было много и другого люда. Когда люди идут с поминок, то идут на базар, а потом на эту площадь у церкви, а тут уже огромный круг нарядных девчат и парней (одевались очень ярко). И начиналось веселье, гулянка с размахом. Толпа ребят и девчат каждой деревни образовывала свой круг вокруг гармониста и начинала пляски и песни с частушками. Возникал большой круг с малыми кругами, а вокруг толпились пожилые зрители и бегала ребятня с глиняными свистульками. Они продавались на местном рынке вместе с глиняной посудой.

Круг девчат был образован так: все брались за руки и шли бочком, напевая частушки и топая ногами. В центре круга – гармонист с друзьями или несколько гармонистов. Парни тоже пели частушки. Каждая группа исполняла свои частушки. Весь нарядный хоровод колыхался в пля-

ске. Округу оглашало многоголосье каких-то непонятных звуков от слияния разных частушек. Это звучание живёт в ушах до сей поры у тех, кто помнит прежние гулянья.

Иногда эта пляска за руки сменялась пляской кругом по группам. В каждой группе один или два ряда девчат, взявшихся «под ручку», идут впереди парней, а за ними группа парней во главе с гармонистом. Все играют, поют, и топают. По кругу идёт таких группировок много: одна группа из Урицкого сельсовета, другая – из Плачёновского, Мокрецовского и т.д. У каждого игрока своя манера игры и разные по содержанию частушки, но особо большой разницы не замечалось. Мужчины пели свои «мужские» частушки, например:

*Я матаню замотаю,
Сам не замотаюся.
Любить – люблю, гулять – гуляю,
Брать не обещаюся!*

А девчатам надо было дать достойный ответ:

*Мой миленок, как теленок –
Только венки жевать.
Проводил меня до дома –
Не сумел поцеловать!*

Таким образом возникал частушечный диалог, который мог идти между самыми различными по полу и возрасту людьми. К примеру, так звучал диалог между парнем и девушкой:

*Милочка моя, в городе бывала ли?
Девяти – эти этажные дома видала ли?
Она отвечала:
Миленький ты мой, в городе бывала я.
Девяти – эти этажные дома видала я.*

Пляски тех времён были незабываемы. Весь пляшущий круг находился в центре внимания круга зрителей, среди которых были дети, мужчины и женщины, стари-

ки и старушки. Все заходили на площадь посмотреть на своих нарядных дочерей, сыновей, присмотреть также невесту или жениха для своих близких. Хотя дети уже не придерживались старины, а действовали самостоятельно в таких делах, как знакомство с любимыми, но старина еще чувствовалась в нравах народа.

Некоторые молодые девчата выделялись богатством одежды. Малыши, стоя в кругу зрителей и держась за маму, слышали, как соседка маме говорила: «Гляди-ко, дочери Самыла-то все в шелках. Красавицы», а мама: «Ох, вон та больно баска!». Две сестры Самыла были цыганской красоты. Самыл был из рода мельников, а мельники всегда жили богато.

Такие пышные, шикающие гулянки были до войны. После войны всё уже было не то. Не видно было такого обилия красивых парней и девчат, как раньше, а появились изувеченные и потрёпанные войной молодые люди.

Украшали такие праздники свистульки, продаваемые на Каринском рынке. Там было много глиняной посуды: кринки, горшки, корчаги и прочее. Но среди всего выделялись глиняные игрушки-свистульки: в виде петушков, лошадок, баранов и т.д. Эти игрушки красились чёрной краской, и сверху по спинке к ним приклеивались узкие полоски цветной бумаги. Эти игрушки были милы, забавны и главное – хорошо свистели. Это были первые игрушки деревенских жителей. Среди многоголосого хора гуляющих раздавались бесконечные свистки этих игрушек. Каждый веселился по-своему. Ребятишки как бы тоже принимали участие в гулянии, в общем ликовании.

Такие же гуляния были в селе Селезниха, там тоже была церковь. До революции вся округа ходила в церковь, а потом уже было веселье, а после революции церкви закрывали, превратив их в склады и тракторные мастерские, но народ всё-таки по традиции продолжал соби-

раться к церквям на гуляния, в основном по старинным праздникам. А в советские праздники люди гуляли по договору у кого-нибудь в доме. Там же готовились все кушанья. Бабушка Настасья, которая была поварихой и при строительстве колхозного пруда, выпекала очень вкусный хлеб, варила мясной суп, тушила картошку с мясом в русской печке и т.д.

Зоя Васильевна Корзунина на всю жизнь запомнила исполнение «прохожей» одним молодым человеком в селе Селезениха: «Вообще-то исполняли, как обычно, четыре человека. Но вот всю красоту танцу придал этот плясун, чувствовавший очень хорошо музыку и ее ритм. Он был в сером костюме, дорогом по тем временам. Пиджак расстёгнут. На нем была такая же кепка. Ростом небольшой. Танцевал, делая заковыристые переходы, очень нежно кружа девушку, он как бы показывал, как надо танцевать «прохожую». Всё его тело было как на пружинах. Мне не описать все его движения, но он буквально заморозил зрителей. Никто уже ни на кого не смотрел, только на него были обращены все взоры. Рядом стояли пожилые крестьянки и только ахали, приговаривая: «Ой, лешой! Как выделяет! Ой, да ой, да лешой бы тебя взял!» А сами ликовали от восторга. И это была самая высокая оценка. В то время трудно было удивить «прохожей» крестьян. Но вот нашелся человек и показал высокий класс её исполнения. Он, конечно же, и не подозревал, что оставил своей пляской в душе людей, своих зрителей неизгладимый след».

Деревенские частушки пелись везде: на работе во время отдыха, на вечеринках, на сенокосе летом, а также на всех празднествах. Известными певицами были Тоня Палишихина, Наташа Семенихина, Нина Ефимихина. В деревне так многих заочно называли: Зоя Васихина. У всех были фамилии, а называли по-другому. У женщин к имени Акулина, Анисья, Пелагея добавляли: Семени-

ха, Васиха, Иваниха и т.д. Ефросинью называли Опрося, Опроська. Анну звали Нюра. Чем это объяснить? Видимо, стремлением к упрощению. Сказать: Ефросинья – труднее, а Опрося – особого труда не составляет. В семье глава всегда был мужчина, и поэтому, видимо, семья именовалась его именем. Васиха, Васины дети, Васин сын, Васин Серёжа и т.д.

Деревни были небольшими. В них было много однофамильцев. Обычно вся деревня находилась в родственных отношениях. Бармины, например, – фамилия пришлая. Так, дедушко Бармин пришёл в дом к бабушке из дальней деревни Вандыши. Там было много Барминых. А в Кулибинцах жили Кулибины, Сусловы, Корзунины, Палишевы. Иван Палишев пришёл из дальнего сельсовета в дом к Анисье. Фамилия Кулибиных со временем стала исчезать. Люди стали уезжать в город и к 1970-м годам в деревне остался только Василий Кулибин с сыновьями.

Когда возникли колхозы, то в каждом колхозе была специальная изба – типа красного уголка, где проводились собрания колхозников. Вечером там собиралась молодёжь и устраивала пляски. Всегда находился гармонист. Приходили на вечеринку из других деревень ребята и девчата.

Личных праздников, дней рождения отмечалось мало. Крестьянская жизнь очень суровая, и особо праздновать некогда. Надо работать. Дети не помнят, чтобы им отмечали день рождения, все это будет позднее, когда они вырастут. Несколько позже возникнет обычай детей и родителей поздравлять друг друга с днём рождения. В прежние времена некоторые люди даже не знали дату своего рождения, а отмечали день ангела: Татьяны – в Татьянин день и т.д. Паспортов у них не было, а свидетельство о рождении утеряно. Это же был слой закрепощённых государством людей. Молодёжь, убегая из деревень, паспорта выправляла всякими хитрыми способами. Отмечались

долгое время религиозные праздники (Рождество, Пасха и др.) и советские, а позднее – только советские, но это были праздники более печальные, чем веселые. В ходу была присказка: «Так, сказал бедняк. Хороша советская власть, а сам заплакал».

Умирающая деревня теряла свои традиции, приобщаясь к городской культуре. Самобытность исчезала. Терялась связь поколений. Поздно хватились все, и это самое печальное. Сейчас трудно говорить с молодыми, что-то произошло, какой-то разрыв, отсюда и непонимание. Молодёжь не воспитывалась в старинных традициях во второй половине XX века, не сумела ничего перенять из прошлого, стала в какой-то степени Иваном, не помнящим родства. Эта неукоренённость до сих пор о себе даёт знать. Старинный лад, уклад жизни сломать легко, а попробуй-ка теперь выстроить что-то новое, надёжное, своё!

В Каринке, Солодихах, Мерзляках живут люди, но все больше приезжие, высланные на поселение. Коренных людей очень мало осталось. Совсем другой народ. Кто-то с Удмуртии, кто-то с Сахалина. Очень изменилось общество в родной стороне. И не в лучшую сторону. Старый деревенский уклад жизни исчез, а новый культурой назвать трудно.

ЧАСТУШКИ, КОТОРЫЕ ЗВУЧАЛИ В ДЕРЕВНЕ КУЛИБИНЦЫ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

В середине XX века эти частушки исполняли на вечеринках Мария Ивановна и Любовь Ивановна Палишевы, а также Наталия Дмитриевна Бармина. Они записаны с их помощью.

Как самостоятельный жанр частушка окончательно сложилась во второй половине XIX века. Она очень быстро распространилась, потеснив другие фольклорные жанры. Частушка – верный отзвук народной души, история, рас-

сказанная многими людьми и образующая яркую картину времени. Частушки пели обычно по праздникам, на гуляньях. Собиралась молодежь примерно с 17 лет.

Веселье шло в клубе, конторе, а то и просто на улице, на поляне. Ситуативные и коммуникативные частушки никого не оставляли равнодушным. В них звучали вечные молодёжные темы любви, измены, ревности, и каждый раз они были соотнесены с конкретными людьми, их взаимоотношениями. Бывало, что частушки сочинялись тут же, по ходу событий. Страстей и эмоций было много: собирались люди молодые, горячие.

По-особому звучало народное творчество времен Отечественной войны. Суровое дыхание войны, несущее разлуку и горе каждой семье, гасило искры юмора, которым всегда блистал жанр частушки. Тема смерти, верности и надежды выходила на первый план. Особо выделялись частушки, являющиеся своеобразным криком души, разрывающейся от отчаяния:

*Ягодиночка убит,
Шинель на кустике лежит,
Фуражка в травке зеленой,
Убит навеки дроля мой.*

В этой миниатюре, полной скрытой экспрессии, фиксируются детали материального мира (шинель, фуражка), пронзительно обнажающие отсутствие души, самого живого человека. Словесное излишество («убит навеки») помогает сильнее осознать весь ужас происходящего.

*Ягодиночку убили,
Похоронная пришла.
Шальная пуля не жалеет
Сиротиночку меня.*

Традиционные для частушки мотивы поддразнивания и осмеяния «соперницы» сменяются в военные годы тёплыми нотками сочувствия и поддержки ближнего.

*Ты подруга милая,
Не ходи унылая,
Не ходи печальная,
Ходи как я отчаянная.*

*Я цыганочки спросила,
Нет ли милого в плену.
Мне цыганочка ответила:
«Убит в большом бою».*

*Дроля, в армию поедешь –
Посмотри на берега.
О тебе я буду плакать –
Прибывать будет река.*

*Дроля, в армию поедешь –
Выкинь на поле платок.
Повянет наше завлеканье,
Как лазоревый цветок.*

*Ягодиночка убит,
Похоронен в Польше.
Его серые глаза
Не увижу больше.*

*Голосистая была,
Голосу не стало.
На меня, на голосисту,
Горюшко напало.*

*Милый, в армию поедешь,
Не играй на полюшке.
Ты и так не мало горя
Оставляешь девушке.*

*Много горя у меня,
Много и печали.
Все веселая хожу,
Чтоб не замечали.*

*Не придется мне сеять,
Не придется мне жать,
Не придется мне милого
Из армии дождать.*

*У кого чего не стало,
У меня – милёночка.
Я опять осиротела,
Бедная девчоночка.*

В местных частушка отражаются особенности деревни Кулибинцы, которая, к примеру, славилась в околотке количеством и качеством невест:

*В Кулибинцах девок много,
В Кулибинцах урожай.
Кому хочется жениться –
В Кулибинцы поезжай.*

*Кулибинская деревня
На весёлом месте.
Заиграют, запоют –
Не усидишь на месте.*

*Я пройду эту деревню
От конца и до конца.
Уведу красиву девушку
У строгого отца.*

*Повезли меня на Просницу,
Сказали: «Пиво пить».
Посадили на скамеечку
Давай головку брить.*

*Кариночка село –
Колокольня белая.
Кулибинска молодёжь
Весёлая и смелая.*

В деревне Кулибинцы, в Каринке, а также везде, где собиралась молодежь, самым уважаемым человеком был гармонист. Без него какое веселье? Но гармонист тоже человек. Без девушки, которая его вдохновляла, он отказывался играть. И тогда приходилось срочно снаряжать людей, чтобы они быстро на телеге привезли обожаемую. Бывало, что девушка уже спала, но её будили и везли на гулянку.

В народной памяти сохранились также воспоминания о том, после войны в 1946 году именно на деревенскую вечеринку приезжала ночью милиция и забирала по списку молодёжь для обучения в системе ФЗО (фабрично-заводского образования). С личными вещами «жертву» сразу везли в Киров, чтобы там обрядить в чёрную форму и направить на обучение конкретной специальности: повара, слесаря и т.д. Если не поедешь – получишь срок.

Гармонисту, гулянке, любимой пляске под названием «прохожая» было посвящено много задорных частушек:

*Гармониста я любила,
Гармониста тешила,
Гармонисту на плечо
Сама гармошку вешала.*

*Гармонист, гармонист,
С кучки поварешка,
Не бывать тебе на славе,
Если б не гармошка.*

*Играй, играчён,
Играй, не церемонься.
Я тебя не завлеку.
Ты не беспокойся.*

*Ты играй, играй, разыгрывай,
Играй повеселей,
Чтобы времечко без миловки
Катилось поскорей.*

*Игрока любила дролю –
Не достался он мне.
Только песенок попела
По веселой, по игре.*

*Разрешите поплясать,
Разрешите топнуть.
Неужели подо мной
Половицы лопнут?*

*Играчок у нас молоденький,
Задира-атаман.
Он играет – кудри веют
По обеим сторонам.*

*Ты играй, я буду петь,
Моя душа будет гореть.
Не гори, моя душа,
Любовь не очень хороша.*

*Хорошо играет,
Басы перебираете.
Ваша девушка на ять,
С которой вы гуляете.*

*Хорошо косить у речки:
Покосишь – воды попьешь.
Хорошо любить гармонщика:
Хоть песен попоешь.*

*Хорошо игрок играет,
Хорошо и слушать-то
Задушевная подруга,
Игроки и сушат-то.*

*Меня милый провожал,
На руке гармонь держал.
До крылечка проводил,
Заиграл, пошел один.*

*Ты гармошка – родна мать,
Скажи-ка, долго ли гулять?
Голосочки говорят –
Последне летичко гулять.*

*Не придет сегодня мой,
Не заревет его гармонь,
Не засеют ремешки,
Не дожидайтесь, девушки.*

*Не расстраивайте, люди,
Не играй, баяночка,
Не воротится по-старому
Моя гуляночка.*

*Растяни гармонь пошире:
Её нечего жалеть.
Скоро ты не заиграешь,
Скоро я не буду петь.*

*Поиграй, поиграй.
Мы тебя заставили.
Ухажорочку твою
Привели, оставили.*

*Ох, Вася, поиграй,
Вася, постарайся!
Мы немного попоём.
Ты не обижайся.*

Самые волнующие темы у молодежи – любовь и измены, встречи и разлуки, радости и печали. Бесконечны нюансы, оттенки чувств, которые хотелось выразить и которые были рождены самой действительностью. Это пылкие страсти и наигранное равнодушие, гордость и боль разочарования, подтрунивание и признание – весь спектр любовных переживаний, в пылу которых так важно было сохранить своё достоинство. Как хорошо было на миру, на лесной лужайке выплеснуть в форме игры то, что тебя мучало. Девичьи страдания обретали следующие формы:

*Ни на эту, ни на ту
На вечерку не пойду.
Ни на этой, ни на той
Не гуляет милый мой.*

*Милый мой, а я твоя.
Куда хотишь девай меня.
Бросай жену законную,
Бери меня, знакомую.*

*Мне не надо никаких
Ни карих глаз, ни голубых,
Завлекаю серые
Веселые, несмелые.*

*Ой хорош ты, ягодиночка,
И любишь ты меня,
Проведешь свою ты молодость,
Забудешь про меня.*

*Не ругай меня, маманя,
Не ругай так грозно.
Ты сама была такая:
Приходила поздно.*

*Ой, какая я была,
Ой, какая стала,
Ой, какому трепачу
Подчиняться стала.*

*Ой, тресну бояться –
В лес не ходить.
Измены бояться –
Парней не любить.*

*Я любила тебя, гад,
Четыре года в аккурат.
Ты меня – полмесяца,
И то хотел повеситься.*

*Все поют, все поют,
Все поют по-разному.
Ягодиночка работает,
А я-то праздную.*

*Кудри я не завивала,
А теперь их буду вить.
Кудреватых девок любят –
И меня будут любить*

*К черту катись,
К черту и отваливай.
Ты мою подругу любишь,
С ней и разговаривай.*

*Я любила и любила,
Любовью любовалася.
А теперь моя любовь
Кому она досталася?*

*Кудреватые, баские,
Где такие рождаются?
Верно матери-отцы
За них богу молятся.*

*Изменяешь – так и знай,
Какова изменушка.
Ты не думай, я не буду
Брошенная девушка.*

*Изменил, так не поглядывай
На личико моё.
Оно совсем не похудело
От измены твоёй.*

*Изменяешь – изменяй,
По леву сторону вставай.
Встану я к тебе лицом
Мне измена нипочем.*

*Говорят, что женится
Моя-то ягодиночка.
Женится – не расцветёт,
Повянет, как травиночка.*

*Милый в армию уехал,
Я сказала – точка.
Я ни с кем гулять не буду
Эти два годочка.*

*Пол пробью,
Потолок пробью,
На доске остануся –
С милым не расстануся.*

*Раньше я любила слушать
Паровозные свистки.
Не нахожу в любви счастья
Кроме горя и тоски.*

*Скоро ль миленький придет,
Скоро ли дождуся я?
Сказал бы ласковое слово –
Успокоилась бы я.*

*Ох, пить ли мне?
Пировать ли мне?
Если миленький изменит,
Горевать ли мне?*

*Изменил, так было жалко,
Ягодиночка моя.
А теперь мои глазёночки
Не смотрят на тебя.*

*Старый ухажёр
Мне дорогу перешел.
Перейди лучше собака,
А не старый ухажёр.*

*Собрана моя котомочка
На лавочке лежит.
Неохота, да придется
На чужой сторонке жить.*

*На мне юбка синяя,
Сама я некрасивая,
Плохо я одетая,
Страдаю из-за этого.*

*Я люблю, когда сияет,
Я люблю, когда горит,
Я люблю, когда милёночек
С улыбкой говорит.*

*Ягодиночка женился,
Себе бабу приволок,
А мою любовь горячую
Прибил на потолок.*

*Я одену бело платье,
Буду лебединочка.
Все вечерки облетаю,
Где мой ягодиночка.*

*Я очаяюсь, очаяюсь,
Еще очаяюсь.
Отобью у девки парня,
Здорово ручаяюсь.*

*Я люблю тебя, миленок,
Горячо и пламенно.
Ты не чувствуешь любви –
Твое сердце каменно.*

*Я не буду более
Тосковать о дроле.
У него вторая есть,
Ему не надо более.*

*Ягодиночка женился,
Очень я довольная:
Он сидит тепере дома,
Я гуляю вольная.*

*Я не думала расстаться,
Как шутя рассталася.
Какая легкая изменушка
Мне досталася!*

*Ягодиночка уехал
Далеко за озеро.
Стояла тихая погода,
Долго не морозило.*

*Я веселая девчоночка,
Веселый человек.
Попадет веселый дроля –
Веселиться буду век.*

*Эх, сдайтеся!
Раздайтеся!
Дайте, дайте ходику
Веселому народику!*

*Хорошо было стоять
Под этой тополиночкой.
Разгоралась любовь
С красивым ягодиночкой.*

*Много песен перепела,
Остаются только две.
Эти песенки, милёночек,
Спою наедине.*

*У меня милёнок был
Его звали Михаил.
Может, девушки видали?
В красной курточке ходил.*

*Ты дроби, дроби, подруга,
А то я буду дробить.
Ты люби, люби, подруга,
А то я буду любить.*

*Ты подруга, дроби, дроби,
Мы отчаянные обе.
Посмотрю я на тебя
Ты отчаянней меня.*

*Я не буду больше плакать,
Свои глазки доводить.
Слезой море не наполнишь,
И любовь не воротить.*

*Изменил моей подруженьке
Красивый кавалер,
Подруга, будешь ли надеяться
На каждого теперь?*

*Через речку быструю
Я мосточек выстрою.
Ходи, милый, ходи мой,
Ходи летом и зимой.*

*То ли, то ли из-за Толи,
То ли из-за Ванечки
Налетели на меня
Четыре атаманочки.*

*Ты залеточка, залеточка,
Вертучие глаза,
На тебя, моя залеточка,
Надеяться нельзя.*

*Ой, куда я залетела,
Куда я залетучила?
Я туда-сюда глазами –
Нет моего вертучего.*

*Топай, топай, ягодина,
Топай, топай, дорогой.
Женишься, так не утопаешь:
Жена пойдет с тобой.*

*Ты куда, подруга, ходишь?
Ты куда шатаешься?
Дурака, подруга, любишь.
Дурочка, спокаешься.*

*Ты, подруженька моя,
Подруга, лебедь белая.
Тебе милый изменяет,
Тебе трудно, милая.*

*Ты не думай, я не дура,
Не такой, как ты, дурак.
Ты везде меня расхаял,
Я тебя нигде, никак.*

*Ты женися, ягодина,
Я тебе советую.
У тебя семейка малая:
Работать некому.*

*Ты иди, иди подруга.
Я немного погожу:
Сероглазого милёночка
До дома провожу.*

*Нет у меня,
Нету никакого.
Даже очень хорошо
Жить без дорогого.*

*На сегодняшнюю вечёрку
Не хотела я идти.
Все равно спокойя девушке
И дома не найти.*

*На высокую гору
Выходила троечка,
Выходила троечка:
Подруга, я и дролечка.*

*Не давайте ягодиночке
Колхозного коня,
Чтобы он сюда не ездил,
Не расстраивал меня.*

*Мои глазки, как коляски,
Только не катаются.
Парни баски, мы не баски,
Любят, не стесняются.*

*Я веселая девчоночка
Веселой матери.
Меня, веселую девчоночку,
Корят ребятами.*

*Ягодиночка, женись.
Приду на вечериночку.
Буду петь, буду плясать,
Не выроню слезиночку.*

*Я любила тебя, дролечка,
Любила от души,
А теперь тебе, мой дролечка,
Другие хороши.*

*Дроля, белую рубаху
Надевай по вечерам.
Не гоняйся за девчатами,
А то измену дам.*

*Любовь – болезнь неизлечимая,
На это нет врача.
Люблю красивого милёночка
И таю как свеча.*

*Пятилеточка – не веточка,
Нельзя ее сломать.
Мы за эту пятилеточку
Готовы воевать.*

*Ягодина – ягодин,
Тебе и мне почет один:
Я – девчоночка-колхозница,
И ты не господин.*

*Я иду, а мне навстречу
Супостатка с дорогим.
Хоть и жалко, а приходится
Давать дорогу им.*

*У милёночка – избёночка,
Избёночка – не дом.
Если б я была не дурочка,
Не думала б о нём.*

*У милого дом так дом,
Бывала вечером и днем.
Не скажу – только подумаю,
Кто жить-то будет в нём.*

*У милого дом – не город:
Его можно обойти.
Ему бедную не надо,
А богатой не найти.*

*Сирота я сирота,
Сирота и только.
Девушкам наряд заводят,
Ну а мне нисколько.*

*Речка быстрая течет,
Куда она торопится?
Любови новые не надо –
Старая воротится.*

*Было весело одной
Без подружки дорогой,
Без словечка тайного,
Без ухажера дальнего.*

*Говорили – не придет,
Говорят – не явится.
Двери открываются:
С улыбочкой является.*

*Говорят, что некрасива,
Говорят – нехороша.
Почему из-за меня
Болит у милого душа?*

*Дорогой, дорогой,
Ты бы умер годовой.
Я бы не родилась,
В тебя бы не влюбилась.*

*Девушки не верьте:
Все ребята черти.
Говорят – клянутся,
Отойдут – смеются.*

*Завлеканье было тайным.
Кто любовь нашу узнал?
Ты не сам ли, ягодиночка,
Товарищу сказал?*

*Дурака я полюбила,
Трепачу поверила.
Самостоятельному дролечке
Измену сделала.*

*Дроля, выруби поляну,
Выруби широкую,
Забывай меня плохую,
Находи хорошую.*

*Дуйте, дуйте ветерочки
С четырех сторон в одну.
Задувайте ветерочки
Жизнь печальную мою.*

*Дайте нам, дайте нам
Улочку пошире.
Нас идет не одна,
Нас идет четыре.*

*Завивались кудерушки
От весны до осени.
Они холод услышали –
Завиваться бросили.*

*Говорят, любовь-то сушит,
Говорят, любовь сушит.
Девушки, из-за любви
Не могу на свете жить.*

*То бы пела, то ревела,
То бы ехала куда,
То бы серые глазёночки
Закрыла навсегда.*

*Говорят, что я не стою
Дроля, вашей милочки.
Неужели я не стою
Хотя бы половиночки?*

*Голубые голубята
У овина нашего.
Я люблю незнамятого,
Девушки, не вашего.*

*Голубые, голубые,
Голубые небеса.
Почему не голубые
У залеточки глаза?*

*Говорили, говорили,
Говорили – бросили.
Потерпи, моя головушка,
Еще до осени.*

*Говорили, говорили
Говореные слова.
До чего договорили –
Стала милому своя.*

*Веселитесь девушки,
Веселые припевушки.
Только глупые скучают
О ребятах девушки.*

*В том конце миленка бьют –
В этом отдается.
Так и надо дураку –
Пусть не задается.*

*Воротись, воротись
Старое-то времечко.
Воротись, воротись
Хотя бы на маленечко.*

*За высокие хоромы,
Мамонька, не выдавай.
Человек дороже дома –
Человека выбирай.*

Существовали и так называемые мужские частушки, хотя их было гораздо меньше, чем девичьих.

*Яровое полюшко,
Ворота отворилися.
Если мы не кавалеры –
Барышни зарылися.*

*Милочка моя,
Сорока белобокая,
Раньше я к тебе ходил,
Теперь гора высокая.*

*Мне не надо пуд гороха,
Но одну горошину
Мне не надо девок много,
Но одну хорошую.*

*Милка моя,
Шевелилка моя,
Шевели, пока работает
Машинка моя.*

*Девки по лесу ходили,
Чечвицу кушали,
У телёнка хвост подняли –
Радио послушали.*

*Веселиться, веселиться,
Веселиться надо мне.
Я на будущее лето
Неизвестно буду где.*

*Я прохожую игру
Больше милочки люблю.
Когда буду умирать,
Велю прохожую играть.*

АВТОРСКИЕ ЧАСТУШКИ И СТИХИ, СОЧИНЁННЫЕ ЗОЕЙ ВАСИЛЬЕВНОЙ КОРЗУНИНОЙ (КУЛИБИНОЙ)

Зоя Васильевна Кулибина родилась в 1934 году. Выросла в деревне Кулибинцы, которую любит до сих пор. Но родители не захотели, чтобы она осталась в колхозе. Пришлось ей завербоваться на комсомольскую стройку и уехать на строительство ГРЭС. Работала электро-монтёром, а также поменяла массу профессий, осваивая новое и нужное. Вышла замуж, вырастила сына и дочь. Стихи Зои Васильевны отличаются искренностью, непосредственностью, добротой и какой-то особой свежестью. Об истоках своего творчества Зоя Васильевна говорила так: «Я никогда не училась писать стихи. Однажды шли с подругой Капой Моховой в школу. Дорога длинная – 17 км, за плечами харчи на неделю, а на душе тоска. Я подруге говорю: «Давай сочинять стихи». Капа начитанная, её детство прошло в сельской библиотеке, потому что она жила рядом с ней, и поэтому она быстро сочинила какую-то рифму. Я же сколько не пыталась – ничего не получалось. Нет, не быть мне поэтом, хотя я любила тогда стихи. А жизнь сотворила со мной чудо: под старость полились из меня какие-то слова. Это – крик моей души. На ваш суд представляю мои поэтические опыты».

*Задумчивая подружка
Давай вместе поём.
Свою душу мы раскроем,
А потом домой пойдём.*

*У меня папа игрок.
Где ж его тальяночка?
Когда маленька была,
Разобрала по планочкам.*

*Я надена юбку чёрну
Узкую, короткую.
Погуляю я с парнями,
А потом поохая.*

*Что ты, белая берёза,
Наклонилась к тополю?
Перед миленьким своим
Всё пою да топаю.*

*На заветное местечко
С тайной радостью бегу
Не придёт милый на встречу –
Постою на берегу.*

*По деревне мы бежим,
По снеговой дорожке.
Меня милый не догнал,
Тогда уйду к подружке.*

*На лугу цветёт трава,
Ручеёчек – под мостом.
Почему он не догнал?
Всё жалею я о том.*

*Будет снежная зима,
Морозам – удивимся.
Прислал миленький записку:
«Где ж повеселимся?».*

*По заснеженной дорожке
Санки с вихрями летят.
Встречай милый в хороводе,
Пускай люди говорят.*

*В хороводе, на морозе
Меня милый целовал.
А народ пел, веселился,
Русску барыню плясал.*

*Как на ёлке новогодней
Всё хлопушки хлопали.
Под гармошку песни пели,
Под гармошку топали.*

*Я от жгучего мороза
Растираю ушки.
Посмотрела – мил идёт
От моей подружки.*

*Отбивай его, подруга,
Я нисколько не тужу.
Я ещё не нагулялась,
Хоть на воле похожу.*

*Я надену шаль пухову
И ресницы подведу.
Если миленький изменит,
Я ещё себе найду.*

*Мне сказали – изменил,
Сказали – больше не придёт.
Может, думает, что небо
Предо мною упадёт.*

*На плетне сидит петух,
Зазывает курицу.
Не пойду гулять с парнями
На соседнюю улицу.*

*Я не буду губы красить
И ресницы подводить.
Я не бабушка-старушка,
Чтобы маску наводить.*

*Наше полюшко ржаное,
У дороги – васильки.
Мы с подружкой боевые,
Ростиком невелики.*

*Над моим высоким домом
Летит стая голубей.
Я навеки отрекаюсь
От матанюшки своей.*

*Не гулять больше в деревне
Молодёжи в ней не жить.
Остаётся три хозяйства
Горе мыкать и тужить.*

*В грязи, горе и болоте
Выстроен посёлок.
Одинаковы дома –
Свой не найдёшь спросонок.*

*Пили водку и вино,
Заливая горе зельем.
Неужели рая нет,
Всюду подземелье?*

*Я хотела дома жить,
Хотела полюшко любить.
Но мне мама не дала:
В деревне плохи все дела.*

*Моё сердце охладело,
Никого я не люблю.
Пойду к ближнему ларёчку
И морожено куплю.*

*Что за жизнь в стране настала,
Читать прессу невтерпёж.
Сообщают населенью:
То убийство, то грабёж.*

*Разоблачили Сталина,
Расстреляли Берия.
Даже «Детский фонд» у нас
Вышел из доверия.*

*Не о вине я думаю,
Не о конфетах плачу.
Болит душа моя страдальная
За нашу неудачу.*

*Речка тёмная, холодная,
Меня не подводи:
Захвати в свои объятия
И подальше унеси.*

*Землю тёплую, весеннюю
Мне больше не пахать.
В Кулибинской-то деревне
Никому уж не жить.*

*Утро зимнее. Морозно.
На перроне я стою.
В слезах прощаюсь я с деревней,
Жалея молодость свою.*

*Я сорву в садочке розу
И шипами уколую.
На родимую сторонку
Никогда я не вернусь.*

*Вышла я на пенсию,
Жизнь построю славную:
Заведу свой патефон,
Послушаю Русланову.*

*Обстановка обострилась,
Накалился жизни фон.
Чтобы нервы успокоить,
Завожу я патефон.*

*Пройдут тучи мрачные,
Выйдет солнце ясное
Людей разум посетит,
В любви найдут согласие.*

*Не имею голоса,
Новых песен не пою.
Я в частушках отразила
Жизнь нелёгкую свою.*

*Из ста песенок одна
Если б вам понравилась.
Со спокойною душой
Я б туда-а-а-а отправилась.*

Духовный мир деревенской девчонки, её мечты и радости, связанные с окружающими людьми, с тем небольшим пространством, в котором она существовала, представлен в далёких от мудрёной учёности стихах Зои Васильевны Кулибиной:

*В мыслях грежу о малой родине,
О зелёной моей поскотине,
О лужке с тополями, берёзами
И о детстве со смехом и слёзами.*

Мечты

*Я у зыбочки сидела, тихо брату песню пела.
Спи, мой братик, засыпай! Меня скорее отпусти.
Мне так хочется играть, на поскотине гулять,
Ягоды пособирать да и птичек повидать,
У папы в кузне посидеть да на подковы поглазеть.*

По ягоды

*С подружкой вдвоём мы по ягоды идём.
Миски бросаем, на удачу гадаем.
Моя упала – с верхом, её упала – пусто.
Идём на злыдневскую пустошь.
Там ягод больно густо.
Миски наши с верхом да ещё с букетом.
Как все дома рады! Стряпают оладьи.
Ягоды с сметаной кушать не устанем.*

Поскотина

*Измурдный полог лога с высоты горы хорош.
Как иду я в кузню к папе – мимо не пройдёшь.
Не пройдёшь и не пропустишь, обойдя кусты,
Где гнездо синицы малой притаила ты.
Где под елями – маслята, разные грибы,
Земляника, костяника – ягоды.
По тропинке по крутой я спускаюсь в лог большой.
Он широкий, скошен чисто, яркой зеленью покрыт.
Ручеёк полоской светлой по ложбинке вдаль бежит.
Как ты радуешь мне душу, ты, поскотина моя!
Обнимаю дальним взором и благодарю тебя.
За то, что ласкова, красива, за то,
что в детстве приютила,
За то, что в жизни ты была,
хотя с тобой рассталась я.*

Верба

*На дворе, в низине, у маленькой ямы
Появился кустик с красными ветвями.
Летом куст зелёный, в осень – пожелтелый,
От порывов ветра жалкий, облетелый.
Стоит кустик голый, красный от мороза.
От жгучего холода прикрой его, берёза.
Ветвистая берёза кустик прикрывает,
Зима рукою щедрой снега наметает.
В дружбе да согласии зиму пережили,
В солнечном апреле дружно все ожили.
Юная природа к деревьям подобрела:
На красную вербу жемчуга одела.
Жемчуга живые, пушистые, большие.
Светлые вербочки, вы ж милые такие!*

Колода

*Старая колода с зелёными боками,
В городе её бы ванной называли.
Рождена в деревне неизвестно кем,
За много лет работы добро дарила всем.
Звонкий ручейк по жёлобу бежит.
Он воду доставляет и дальше вниз спешит.
Пришёл кузнец усталый: «Хороша водица!».
Припал он к ней устами, чтоб от души напиться.
Зимой колода мёрзла в лихие холода,
Но оставалась верной людям навсегда.*

Баня

*Маленькая баня на краю лужка.
Её жарко натопила моя бабушка.
Берём мы полотенце, мыло, лопухи.
В предбаннике – берёзовые веники.
Горячий, горьковатый воздух мы вдыхаем
И полведра воды на каменку плескаем.
Воздух наполняет ух какой парнице!
Бей себя веником посильней, почище.
Отпарились, отмылись. Ципки – лопухами.
Чтоб не было заботы с нашими ногами.
Прохладную водю дружно окатились,
В чистое оделись – принарядились.
А потом за чаем бабушку хвалили
И, конечно, баньку все благодарили.*

Ограда

*Огромная ограда. Крыша из соломы.
У подпорного столба – стоянка для коровы.
Захожу в ограду я – петушок горланит.
А парное молоко нашу Мурку манит.
Сидит мама под коровой на маленькой скамеечке,*

*А струйки молока звенят: бегут, бегут по стеночке.
От этих звуков молока проснулась наша хрушка,
Давно в ограде для неё сделана стаюшка.
Услышав её возню, заблеяли овечки.
Их жилище рядом, жаль, что не у печки.
Посреди ограды – погреб ледяной.
Молоко и масло там найдут покой.
Я ограду нашу подметаю часто.
Так сказала мама: «Это твой участок».*

Колодец

*Он такой глубокий: дна совсем не видно.
А вывернется ведро – будет горько и обидно.*

Русская печка

*Печка, печка-невеличка,
Для меня ты – целый дом.
Моя радость и надежда,
Жаром пышешь ты кругом.
На рассыпанной пшенице,
Как на пляже, я лежу.
Отогреюсь и разнежусь,
Братьям сказку расскажу.
А в субботу, я надеюсь,
В твоё брюхо заберусь.
Там в себя приду, отмоюсь,
Словно заново рожусь.*

Дятел

*А в поскотине, на ёлке дятел песенку стучит,
Тук-тук, тук-тук-тук – эта песенка звучит.
Я на ёлку посмотрела: у, какая высота!
На вершине сидит дятел: эх какая красота!
Сам весь чёрный, с красным брюшком,*

*глазки-бусинки горят.
Из-под клюва-топора
только щепочки летят.
«Зачем портишь кору ели?
Ведь дупло начнёт расти.
В твоей песне топоровой мало
слышу радости».
«Зачем речи говорить? –
отстукивает дятел. –
По природе надо жить,
чтобы даром не тужить».*

ПАМЯТНИК ДЕРЕВНЕ, КОТОРОЙ УЖЕ НЕТ

Мысль о памятнике деревне посещала многих её жителей, но воплотилась она в собственном произведении Сергея Ивановича Суслова.

Деревня Кулибинцы была основана в 1613 году. Прошла эпоха Смутного времени, начались реформы Петра I, прошли и они, как и время правления Екатерины II и последующие события XIX века, а деревня всё держалась, росла понемногу, в ней появлялись всё новые жители и в своё время покидали родную землю, но сохранялся старинный говор, привычки и обычаи, сохранялся особый строй жизни и отношений, прежние фамилии и имена. По-прежнему обитали в этом суровом и прекрасном уголке земли Кулибины, Сусловы, Корзунины и другие представители знакомых фамилий.

Но к 1974 году деревни не стало. Исчез старинный уклад жизни. И уже никому стали не нужны поля и леса, растущие в изобилии ягоды и грибы. А чистейшая родниковая вода, которую можно пить первобытно, просто встав на колени, теперь никем не востребована. Лишь иногда заезжие туристы ставят палатки и живут некоторое время на том месте, где когда-то кипела жизнь...

Однако стойкая любовь к «родному пепелищу» и к «отеческим гробам» мучила и терзала бывших кулибинцев. Усилиями одного из многочисленных Суловых, которые составляли в деревне большинство, на том месте, где была когда-то деревня, установлен памятник. Это дань любви, уважения, признательности своей родине.

Сергей Иванович Сулов – человек вполне благополучный, состоявшийся. Он работал юристом в Москве, растил детей вместе с женой, выросшей в соседней Каринке, даже снимался в фильмах. Сейчас Сергей Иванович – активный член многочисленного вятского землячества Москвы, издающий соответствующую газету, получающий гранты, имеющий много единомышленников. Но мысль о малой родине, которую жаль, как безвинно осуждённого человека, заставила его тратить время, силы и деньги на памятник деревне, которой уже нет.

Памятный комплекс был установлен летом 2013 года и приурочен к 400-летней годовщине основания деревни. Центральное место в нём занимает согбенная фигура крестьянина, на спине которого огромный крест. Памятник заставляет вспомнить бесконечные труды деревенских жителей, их страдания военных и послевоенных лет, когда деревня кормила страну, держала её на своих плечах, а также тоску по потерянной малой родине, когда до 50000 деревень исчезло с карты страны за короткий промежуток времени.

В нынешней вятской прессе обозначена проблема тех мест, где были когда-то Кулибинцы, где жили, работали, радовались жизни люди. Это Кумёнский район, который характеризуется в нынешних наказах губернатору следующим образом: «Площадь – 1911 кв. км, население – 20000 человек. Состав – Кумёны, Нижнеивкино и 14 сельских округов. Нет техники, некому работать, поля зарастают лесом». Как тут не вспомнить частушки бывших жителей деревни:

*Советское правительство,
Что же ты наделало?
От распаханной деревни
Холодом повеяло.*

*Стоит белая берёза
Ветки голые на ней.
В моей деревне Кулибинцы
Нет домов и нет людей.*

*Высоко ты, лес, поднялся,
Заросли поляночки...
В моей распаханной деревне
Нет былой гуляночки.*

*Стоит белая берёза,
От погоды слёзы льёт,
Молодёжь в нашей деревне
Не играет, не поёт.*

*Мою распахану деревню
Порешили возродить.
Кому же дать тако задание,
Чтоб людей там народить?*

И представилась совсем другая картина. Будто бы руководство полувековой давности проявило уважение к людям, к традициям многовековой деревни, стало бы мудро-консервативным, старающимся помочь доброму и преградить дорогу злomu, бесчеловечному, по примеру толстовского Кутузова времен 1812 года. И всего-то ведь надо было построить хорошие дороги, предприятия по переработке сельхозпродукции, чтобы люди на велосипедах, мотоциклах, машинах осваивали окрестности и езд-

ли на работу, а также облегчить с помощью разнообразных приспособлений сельскохозяйственный труд и жизнь крестьян. И деньги в то время были, но их предпочли потратить на весьма спорное освоение целинных и залежных земель. Всё вспыхнуло фейерверком и угасло. Прав мультфильмовский кот Матроскин, когда говорит, что деньги-то у нас есть, но тратятся они не на то и из рук вон плохо...

А могли бы кулибинцы остаться в самом прекрасном на свете месте – на своей малой родине. И были бы спасены деревни, не опустела бы и не поросла мощным бурьяном земля, не уехала бы в города и другие страны молодёжь, а люди не волокли бы за собой по жизни скорбный груз обид и разочарований, не умножали бы и без того большое количество несчастных созданий, забытых всеми, пьющих, бросающих детей, лишённых корней... А кулибинцы выращивали бы в своём пруду зеркальных карпов, о которых так мечтали до войны...

НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В ДЕРЕВНЕ КУЛИБИНЦЫ

АЗЯМ – верхняя мужская одежда из самотканного сукна, похожая на халат. Надев азам, всегда опоясываются.

БАБКА – грудка ржаных снопов на полосе.

БАЛЯСЫ – пустой, но весёлый разговор.

БАРМА – неразборчиво говорящий.

БАЯТЬ – говорить.

ВАЛЁК и **КАТОК** – предметы для глажения белья.

ГОЛИК – венник, которым метут, уже использованный для парения в бане.

ДЕРБЕНЬ – изба при мельнице, в которой живёт мельник и останавливаются помольцы.

ЖИТНИЦА – хозяйственный амбар, в котором хранился зерновой хлеб. Часто его строили через улицу против избы.

ЖУЖГА – насекомые, паразиты на плодах и овощах.

ЗАПУХА – тряпьё, используемое как затычка для трубы.

ИСТЬ – есть.

КАРАВАЙНИК – плетённая чаша для караваев.

КАШОВАР – повар в артелях.

КИСЛЕНИЦА – щавель.

КОКОРА – старый полусгнивший пенёк.

КОЛДЫ – когда.

КУЛЕБАКА – рыбный пирог почти квадратной формы. В день именин усопших родителей пирог приносили духовным лицам.

КУЛЕШ – пасхальный хлеб.

КУЛЁМКА – толстый, круглый человек.

КУРЕНЬ – рощица в лесу, где рубили дрова и выжигали уголь.

КУРЖЕВЕТЬ – покрываться инеем в зимнее время.

ЛЕПУША – человек откровенный, не умеющий хранить секретов.

ЛЫКО – луб молодой липы, разделанный на полоски.

МАСЬКА – ягнёнок.

НЕКОШНОЙ – мифическое существо, подобное чёрту и лешему. Является ругательством.

ОБОЛОЧКА – лёгкий жакет.

ОЧЕП – берёзовая жердь, на которой держится зыбка, в которой спит младенец.

ПАРЁНКА – пареная репа, которую накладывают в корчагу, закрывают соломой и ставят вверх дном на ночь в печь. Репа, сохшая две ночи, превращается в лакомую «сушенку», приберегаемую для покосов.

ПОД – нижняя часть русской печки, где стгорали дрова. Под очищали помелом (метлой, сделанной из соломы или осоки) и на чистый под сажали хлеб для выпечки.

ПОДВОЛОКА – чердак.

ПОСКОТИНА – место для выпаса скота.

РОЩА – пророщенные зёрна ржи для солода.

СУПРЯДКА – вечерка в дни поздней осени и в зимнее время. Девки и бабы прядут, поют, пляшут и рассказывают сказки. Бают, что заходят и парни.

СУСЛО – патока из пророщенных зерен ржи.

СУШЕНКА – засохшее вещество в небольшом объёме.

СУХОПОСТОЙ – сухое от комля до вершины дерево, ещё стоящее на корню.

СХОДБИЩЕ – собрание.

ТЕПНЯ – тесто из толокна на квасе.

ХЛАМ – лёгкая одежда, бельё.

ЩЁЛОК – раствор золы с водой, который употреблялся вместо мыла.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСТОРИЯ ДЕРЕВНИ КУЛИБИНЦЫ.....	4
ГЛАВА ВТОРАЯ. УКЛАД ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА.....	17
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЛЮДИ ДЕРЕВНИ КУЛИБИНЦЫ И ИХ СУДЬБЫ.....	61
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ДЕРЕВЕНСКАЯ ВЕЧЕРИНКА. ТВОРЧЕСТВО КУЛИБИНЦЕВ	95

Деревня Кулибинцы находилась к югу от Кирова в Куменском районе

Фотография конца 1920-х годов. Сидят: дед Мишка, Бармины с дочкой Наташей. Стоит Василий Андреевич Кулибин

Дом Барминых

*Анастасия Кирилловна и Дмитрий Филиппович Бармины
в 1960-е годы*

Зоя Васильевна Корзунина (Кулибина)

*Зоя Васильевна Крзунина (Кулибина)
с семьей Палишевых: Наталия Дмитриевна, Михаил Иванович
и их дочь, в 1956 году*

Кулибинский пруд

Колода для стирки белья

Холм, на котором располагалась деревня Кулибинцы

Жители села на фоне леса

Семья Кулибиных

Виктор Кулибин

Сергей Кулибин

*Вторая слева Галя Кулибина, рядом – ее мать,
вокруг – родственники*

1970-е годы. Все, что осталось от деревни

*Антонина, Мария, Валентин и Любовь Палишевы.
Уже городские жители*

*Бывший прокурор и автор памятника деревне Кулибицы
Сергей Иванович Суслов*

Он же в роли звонаря в фильме «Голова Горгонь», 1986 год

Памятник деревне Кулибинцы

Научное издание

Самойлова Галина Михайловна

**КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИИ:
РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА**

Монография

Редактор Н.М. Быкова

Подписано в печать 17.01.2018	Формат 60x84 1/16	Бумага 65 г/м ²
Печать цифровая	Усл. печ. л. 9,6	Уч.-изд.л. 9,6
Заказ 03	Тираж 100	

Библиотечно-издательский центр КГУ.
640020, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.